

Цикл “Историк”

Рассказ II

После жизни

Жизнь стоит смерти.

Олег Горный

...Что за напасть? Крысы совсем обнаглели. Да. Они нам с невестой житья не дают. Я даже начал подозревать, что они решили нас так незаметно извести, – мы же их хищники... Мы теперь только и делаем, что сидим безвылазно здесь – в руинах Центрального управления DIS, очень опасной службы безопасности – с крысами. А они только и делают, что прогоняют через наши головы данные. Моя голова уже не выдерживает столько мыслей столько людей... И все люди не простые, а – золотые. Просто, крысы нашли память пленных офицеров “золотых драконов”. Их я совсем не понимаю... Я понимаю, что они все очень умные, но – больше ничего не ясно. Раньше я думал, что Айнер очень умный, но то, что он мне объяснял, я еще как-то понимал, поэтому я сделал вывод, что он не такой уж и умный. А вот крысам все с этими “драконами” ясно – крысы умные, ничего не скажешь... только изъясняются они как-то коряво... и вообще – они редко изъясняются. Они много думают, но мало говорят. Наверно, поэтому они делают очень много обдуманых дел. Вот теперь они настойчиво ищут чудо-зверя... Я скромно промолчу перед лицом истории, что без меня крысы про него бы не узнали никогда – не заметили бы упоминания о нем в памяти одного офицера. А я заметил. Просто, это очень страшный зверь из памяти очень страшного офицера... И я очень надеюсь, что крысы эту зверюгу не найдут. Ведь “драконы” были вынуждены особенно часто нарушать запреты и применять кошмарные технологии... А этот радужный зверь – создание “драконов”... Он жил в полевых условиях – около одной такой базы, где полковник Лао готовил диверсантов... Просто, один такой диверсант нашел этого зверя, блуждающего в киберпространстве, в лесу, где он тренировался – диверсант, не зверь, конечно. Тогда диверсанты, которым случалось скучать, приручили эту тварь. Но полковник Лао забрал зверя из лагеря, чтобы он не отвлекал от тренировок его людей, – и оставил его себе. Лао начал тренировать эту тварь, как диверсанта... думаю, ему тоже иногда было скучно. Вот он и заставлял зверя пролезать через колючую проволоку, прыгать через широкие рвы, утыканные штырями, перелетать через высокие стены, усаженные осколками, пробираться через лучевые растяжки... Но когда дошло до того, что он научил этого зверя подрывному делу, я как-то напрягся... А когда Лао научил эту радужную тварь не только определять местонахождение и времянахождение, ориентируясь по небесным светилам, но и прокладывать маршруты... когда зверь освоил все эти таблицы и схемы с показателями стояния солнца, и все азимуты, и все координаты... Тогда я понял, что этот зверь – не просто зверь. А когда Лао научил его скрываться от орбитальных спутников и не пересекаться с воздушными патрулями, рассчитывая схемы перемещений... Тогда я окончательно убедился, что этот зверь – чудо-зверь... Он знает математику. Вот как. Даже я не знаю математику, а он – знает. Правда, зверю надоели эти загадочные азимуты, и он дал деру... Но полковник Лао послал искать его своих разведчиков... Только, он, видимо, выучил зверя не хуже своих разведчиков... Ему пришлось искать самому. Но и он не нашел. Никто этого зверя с тех пор не видел – ни полковник Лао, ни все остальные, чьи отчеты я прочел в ментальном формате. Я думаю, что этого зверя обнаружили и изловили разведчики Снегова, – очень на это надеюсь... Ведь Снегов был готов на все, борясь с диверсантами и шпионами Хакая, – его заклятого врага. А зверь Лао как-никак – диверсант Хакая...

Но я опять увлекся и отвлекся... Крысы мне здесь еще запись нашли... Не знаю, чья она, – здесь нет никаких пометок... только, что это очень секретно... ну уж очень секретно. Засекречено и спрятано. Вот как. Люди так всегда делали. Но как бы они ни прятали, мы все найдем. Мы узнаем о них все. Мы ведь – историки. Да. Точно. Я – историк. Я здесь главный. Точно. И крысам, как бы они ни кривились, придется ждать, когда я додумаю эту глубокую мысль. Я не заменим. Я такой.

Гордый хищник – одинокий охотник, чернее ночи и клыкастее северных скал... и когтистее колючих кустов... И крадусь я тише снега, и налетаю громче бури... И еще я – кот с очень... просто, очень высоким интеллектом. Вот я какой...

Запись №1

Мое зрение притуплено слепым мраком, а слух – глухой тишиной... Я закрыл глаза, с силой прижимая веки замерзшими пальцами, надеясь, что прозрею, когда открою их, и мрак покажет мне что-то скрытое... Но нет ничего. Только мой разум не перестает напряженно отслеживать хрупкие излучения, доносящиеся до меня из тьмы отголосками закрытых мыслей. Я еще здесь, в Ивартэне, в подземельях Центрального управления DIS. Я заперт этой тьмой... Заперт в этой тьме генералом Вайльдером, кроме которого я вижу теперь только его “защитников”. И Снегов знает... Это Снегов отдал меня ему...

Мой разум ясен, я помню все, но я не знаю ничего и ничего еще не понимаю... Мне известно, что Беркутов устранен Снеговым, как враг его власти... Я был уверен, что им буду устранен и я, вслед за моим командиром... Я был уверен, что буду расстрелян или сослан в Вэй-Чжен – на пир хмельной от крови смерти, упивающейся жертвами без разбора... Но он отдал меня Вайльдеру... Меня, полковника СГБ, – главе Центрального управления DIS...

“Защитник” со слабым свечением вошел в этот мрак, запирающий меня глухими стенами. Он повел меня по беспросветной тьме, приведя в беспросветную тьму... Я остановился в пустоте, где он оставил меня, исчезнув за очередной непроходимой для меня преградой. Генерал Вайльдер прошел сквозь мглу с приглушенным светом, шадящим мои глаза... Он остановился передо мной, смотря мне в лицо пересушенным мертвым взглядом... Я отступил от него назад, но поле преграды не дает мне больше ступить ни шага... Это происходит – прямо сейчас... Мы теряем контроль над войной, над запретными технологиями... Я читаю смерть на его изнуренном лице, четко отражающую обреченность... Его тяжелые мысли забрали у него последние, подорванные долгой войной, силы... Его глаза запали, пропадая черными прорезями на бледном лице, подобном высохшей маске...

Вайльдер устало покачал головой, вчитываясь в мои мысли...

– Нет, мы сохраним контроль над запретными технологиями, но это станет для нас... Вы всегда были проницательны, Горный... Но теперь это не имеет значения ни для нас, ни для вас...

– Я знаю, что буду казнен, Вайльдер. Но мне не известно обвинение.

– Вы будете казнены, как шпион.

– Но я не...

– Вы – высший офицер СГБ, примите достойный конец.

– Я не изменник, Вайльдер...

– Вы не изменник – вы шпион Хакая. Ваша память открыта Хакаю.

– Офицер “драконов” стрелял в меня, но моя смерть была обратима...

– Горный, вы были убиты бойцами Хакая, и ваша смерть была не обратима. Посмертно ваша жесткая память была вскрыта мятежниками. С вашей памяти, до окончательного распада связей, была снята достаточно точная копия, возвращенная вам. Офицеры Хакая вернули вам разум, схожий с прежним. Они вернули вас к обратимой смерти – вернули вас СГБ СССР.

– Но я не мертв, Вайльдер...

– Вы не мертвы. Но Горный – мертв. Вы только считаете себя им. Но вы только его копия с открытым врагу разумом.

– Но тогда... Кто я, Вайльдер?..

– Вы безымянный офицер S9, созданный врагом по подобию убитого офицера S9.

– Но у меня не только его тело, не только его низшая память...

– Вы офицер, снабженный его высшей памятью. Но вы – не он. Он – мертв.

– Но я честно служу системе... долгие годы...

– Горный, вы работали с технологиями Хакая, вы в курсе.

– Но я... Я...

Я закрыл глаза, но все кружится... кружится все сильнее... Я закрыл лицо руками, но...

– Горный, возьмите себя в руки.

– Я буду казнен, как предатель... Но я служу системе... Я шел на смерть, я посылая на смерть... все для системы... все... Теперь системе нужно уничтожить меня... и я пойду на смерть снова... Но я не изменник, Вайльдер!

– Не нужно быть изменником, чтобы быть шпионом Хакая, Горный.

– Я не шпион... Я не могу быть шпионом... Я – полковник СГБ... Вы ошиблись... Я ни разу не был задержан ни одной полосой контроля, ни одной системой опознания...

– Генерал Снегов опознал вас. “Защитники” СГБ, “защитники” DIS провели проверку ваших личных и системных данных – вы не подходите под ваш личный блок при тщательном рассмотрении. Я лично перепроверял данные моей техники, лично перепроверял Тишинский – вы неопознанный техникой контроля безопасности шпион.

– Тишинский... Я не помню его...

Вайльдер сурово свел брови...

– Его не было.

– Кто он?..

Вайльдер, резко погружаясь в мрачные мысли, пожал плечами... Но, опомнившись, поднял уверенный взгляд...

– Генерал Снегова, создание Снегова – “тень” Снегова.

– Его “тень”?..

Вайльдер угрюмо обернулся во мрак за плечом...

– Его “тень”. Он облачен светом, не отбрасывая тени. Он правит светом, но без тени его власти не доступен мрак. А вы не заметили, что он облачен светом?

– В прямом смысле?..

– В прямом.

– Нет, я не видел... Я видел его только при ярком освещении... Я знал, что он перестал быть человеком, но...

– Не знали, что он стал богом? Не знали, что он стал нуждаться в дьяволе?

Я не понимаю... Боль впиалась в мои виски грязными когтями, залила глаза мутной слюной... Отвращение тихо смеется надо мной, выглядывая из темноты, а страх скалит клыкастую пасть, открыто подступая ко мне... Трижды сожженный Хакай внедрен в мою память – бездонно жестокий глаз “дракона” читает мои мысли... А замерзший вечным холодом Снегов способен видеть через мои мысли – ему зрим, проникший в мой разум со скрытым злом, глаз бездонной тьмы... Он отдал меня, мертвеца, его “тени”... Вайльдер... Этот холодный офицер Роттера кажется теперь единственным человеком, оставшимся подле меня...

– Теперь у вас все мои данные, нужные для повышения уровня контроля безопасности. Я знаю, что по приказу верховного главнокомандующего РСФСР я передан в ваше распоряжение, Вайльдер. Не заставляйте меня ждать. Мои мысли страшнее ваших карателей. Казните меня сейчас.

– У меня нет полномочий казнить вас, Горный. Вы переданы мне только для точного сличения ваших личных данных с системными данными вашего личного блока. Ждите приказа Снегова – он еще здесь, в штабе Ивартэна. К окончанию совещания ваша судьба будет решена.

Вайльдер, посеревав, обернулся к пустой темноте...

– Тишинский, вы здесь? Я знаю, что вы близко...

Из темноты ко мне шагнул незнакомый офицер S12, генерал СГБ, и тьмы ступила за ним. Я никогда и нигде не встречал его прежде – он создан сейчас, в это короткое время... Он – последнее создание Снегова... Я еще не видел подобных людей с подобным взглядом... Это взгляд технозверя... Зверь, в обличье человека... зверь, с разумом машины. Вайльдер, встретив его холодным взглядом, встал перед ним, ожидая.

– Он отдал прямой приказ. Я заберу офицера, Вайльдер.

Вайльдер молча отступил, пропуская Тишинского, отдавая меня ему... Превозмогая себя, я пошел вслед этой “тени”, объединенной с тьмой, раздирающей меня глазами, горящими во мраке беспредельно голодной алчностью... Мне в спину светят холодные глаза техники охранения,

толкая меня в загребушие руки этой “тени”, выведенной Снеговым из непроглядной ночи... Я не пытаюсь сопротивляться этому созданию замерзшего разума верховного главнокомандующего РСФСР, но еще стараюсь противостоять страху перед ним...

Я уже прошел через смерть – она знакома мне. Но мне еще не доводилось готовить разум к казни. Казнь – тягостная смерть... Это безобразнее короткого последнего осознания после короткого последнего удара врага... Один вдох, одна мысль – больше ничего... А сейчас... Я знаю, что смерть не налетит на меня, сметая мысли взрывной волной, – она подойдет ко мне ровным шагом, вступая в мысли тяжелой поступью... Она не ринется на меня врагом, ломая мой меч в бою, одолевая меня в борьбе, – я опущусь перед ней на колени, покорно сложа голову под ее косой... Я иду к ней, подчиняясь ее приказу, – связанный неотвратимостью, как веревкой... И эта неминуемость заставляет меня идти, подавляя протест... вынуждает идти не по моей воле... Нет больше моей воли... Меня больше нет... Уже началась агония, бешено вырывающаяся из моего разума ключья ярких образов отмирающей памяти... Я не хочу отпускать их... Я хватаю эти обрывки, силясь задержать... Но смерть рвет их из мои рук, разметывая во тьме...

Навстречу вышел “защитник”, и Тишинский передал меня ему. Андроид вывел меня из подземелий Центрального управления DIS и повел к свету... Холод ударил в незащищенное лицо, перебив дыхание... Лютый мороз иссушил колючим ветром глаза до слез, сразу замерзших на ресницах острыми ледяными иглами... Но я вдыхаю этот ветер, сковывающий мои легкие, я открываю ему исколотые ледяной пылью глаза... Это – последнее...

Транспорт взлетел, быстро набирая скорость, оставляя Ивартэна в звенящей морозом дали... Но я не увидел белых башен Ясного, как ожидал... Передо мной взвился черный дым выжженного укрепления Вэй-Чжен... Транспорт опустился, завис низко над покрытым золой полем... Я вышел вслед за “защитником”.

– Идите, Горный.

Я постарался всмотреться в мысли машины, но не различил ничего... Развернулся и пошел... вихря за собою пепел, ожидая пущенных “защитником” мне в спину лучей... Но я продолжаю идти, а “защитник” стоит на месте – не стреляет, только смотрит мне в спину...

Холодный ветер ударил мне в лицо тяжелой копотью... Я снова обернулся... и побежал... Полеглий пепел протестует моему внедрению в его покой, вздымаясь вокруг меня, закрывая меня, скрывая... Он разъедает глаза, раздирает легкие, подобно морозу Ивартэна, но я – бегу... едва удерживая в поле зрения каркасы сожженных зданий, едва удерживая вытесняемое золой дыхание... Я спотыкаюсь, падая среди обгоревших трупов... но я встаю и бегу...

Запись №2

Я упал у разверстых врат пограничной башни и подняться не смог... Меня заносит пеплом, мои хриплые вдохи заглушает стук сердца... Но я жив...

Меня пощадили?.. Нет... Снегов не щадит никого и ничего... И он, и его “тень” – Тишинский... Но что им от меня еще нужно?.. Что им может быть нужно от офицера без имени, без звания?.. От меня, не пригодного ни им, ни Хакаю?.. Теперь я не нужен и не опасен ни им, ни Хакаю... никому и ничему... У меня нет информации – моего оружия... У меня вообще нет оружия... А нет оружия – нет и жизни...

Снегов решил казнить меня, не марая моей кровью заледенелых рук... Но у него теперь есть “тень”... И “тени” этой кровью рук не замарать – Тишинский испивает кровь жертв до последней капли... Он не проронит ни капли... А проронит – скроет мраком, сопровождающим его верным спутником... Нет, я не понимаю... Этот темный зверь не выпустит из когтей добычи, пока Снегов не натянет цепь, приковывающую его “тень” к его руке... Я был отпущен им – Снеговым... действующим только с точным расчетом... Но что за цели преследует он теперь, что за расчеты ведет?..

Что теперь?.. Я отпущен вольно иди?.. Или буду затравлен посланной следом погоней?.. Что это?.. Разведчик... Я не вижу его в небе, затянутом тяжелыми тучами гари, – только его ментальный сигнал бьется у меня в висках вместе с пульсом... Он зашел в зону восприятия, он

обнаружил меня – мы пересеклись... Я жду, но ничего не происходит... Он предупрежден, что я отпущен?... Или просто он не ищет?... Нет, больше я не позволю разведчикам заметить меня...

Я поднялся из пепла, входя в город... Я иду по пустым улицам, устланным этим серым снегом... Каждый мой шаг поднимает хрупкую пыльную дымку, скрывающую мои следы... Теперь мой путь бесследен...

Стараюсь вспомнить патрульные зоны Вэй-Чжен... Я хорошо помню последние маршруты воздушных патрулей, зоны особого поиска... Их меняют, но здесь и сейчас – не часто... Я хорошо помню и последние карты местности... Этим укреплением я был занят достаточно долго – мной была тщательно изучена и подземная, и наземная часть города... Расположение мое я определил сразу, но время... Без часов его определить я могу только приблизительно... Ориентируюсь по данным пересекшегося со мной разведчика и известным мне схемам, рассчитал достаточно точную схему перемещений без пересечений... Стараюсь идти ровней, не сбиваясь, придерживаясь учтенной мной скорости, чтобы не потерять ориентацию...

Ищу среди занесенных пеплом тел бойцов не сильно обугленных, но и их оружие не пригодно... У меня нет ничего... И среди этих опаленных развалин ничего нет... Но мне нужно оружие... Хотя бы для того, чтобы взять с его помощью время для размышлений у этих руин... Ведь я не знаю... Я ничего не знаю... Мне не ясно, что мне теперь делать... не ясно даже, кто я такой – безымянный офицер без звания, без должности... с чужой памятью, которую я только считаю своей...

Я остановился, едва сдерживая зябкую дрожь, обнявшую меня липким холодным ветром... Это след... Он разметан вихрем и занесен пеплом, но это – след... Человек шел через здания, осторожно переходя этот участок через улицу... Он один... Шел уверенно и широко, но ступал обдуманно... Зашел в здание, остановился в открытых темноте дверях... Здесь он долго стоял... Он – охотник, не скрывающийся от разведчиков, выслеживающий добычу с ними, как с гончими псами... Я уверен, что он курил... Точно, окурок заложен осколками, присыпан пеплом – спрятан тщательно, но не сожжен, не забран... Это наши сигареты – сигареты, выданные офицеру... Ликвидатор СГБ. И был он здесь совсем недавно...

Я знаю, что найду его, что тогда мне придется убить его... Убить и взять оружие... Я знаю, что он не выстрелит в меня – в офицера СГБ ранга S9 – сразу. И пусть он будет предупрежден обо мне – ему будет нужно время удостовериться – он даст мне время для действий... Иду за ним по узким коридорам...

Остановился во мраке прохода у дверей, не выходя на свет, – прислушиваюсь, осматриваюсь... Тесное помещение, пронзенное сквозным коридором, по которому разлетается стылый сквозняк, завалено поломанным оборудованием, оплавленными осколками техники... Он здесь. Он мертв... И обобран... Он упал у окна. Его оттащили в угол. Тащил один человек, пришедший с другой стороны коридора, – он забрал все... Я сосредоточился, но его мысленный сигнал обнаружить не смог – он ушел, он вне зоны восприятия.

Я вошел в помещение, осмотрел ликвидатора... Стрелял в него другой – не тот, который пришел за его оружием... Застрелил его штурмовик СГБ или DIS, когда приходил за ним – армейский штурмовик, простой боец... Стрелку была известна не только прочность защиты ликвидатора, но и конструкция – он целил в стык пластин, разом пробив доспех мощным разрядом... И стрелок этот бил по контрольным точкам, спустив три заряда еще до того, как ликвидатор упал... Он – офицер СГБ или DIS... А этот боец... Он хороший охотник, но плохой разведчик... Подошел осторожно, но убедившись, что ликвидатор мертв, – об осторожности забыл... Подошел, как к подбитому зверю... Еще боец этот старался не оставить следов только приходя, а уходя – скрыть след не трудился... Он убедился, что ликвидатор здесь один, что других поблизости нет, и перестал скрываться... Этот охотник не думал о последующем позже преследовании... Он спешил, срезая ремни ножом... бросая их, забирая лишь пряжки, крепежи и карабины... И шинель этот боец с мертвеца содрал, как шкуру со зверя, не потрудившись расстегнуть, – просто надрезав, оставив надсечки на доспехе... Рука у него твердая... он хороший охотник...

Значит – двое... Офицер и солдат... Солдат – дезертир, а офицер... Не знаю, кто он... Офицеры редко уходят... и им редко дают уйти... Что ж, посмотрим, кто он такой... Скоро я увижу его... У него нужное мне оружие и обмундирование убитого ликвидатора...

Запись №3

Ветер стих, разогнав черные тучи. Небо заволочло непроницаемым низким белесым волоком. Пошел снег. Крупные снежинки кружат в безветрии, опускаясь и поднимаясь, как перья подбитой птицы. Видимость плохая, но мой след сразу заносит холодным пухом. Я иду быстро, чтобы согреться. Термоизолятор моей формы не предназначен для долгого пребывания на морозе, и я продрог. В Вэй-Чжен тепло в сравнении с Ивартэном, но к ночи я замерзну и здесь... Остановившись, не найдя стороннего тепла, я замерзну и здесь – просто не так скоро...

Мне не долго пришлось искать их след, потерянный под снегом и найденный на чистом снегу. Не долго мне пришлось и идти по следу. Они – в зоне восприятия – трое. Офицер DIS уровня S7 и бойцы армии AVRГ уровня N2. Они заметили меня, но остались на месте – ждут. Иду к ним.

Сконцентрировал внимание, прослеживая сигналы ментального фона... Определил четче сначала зоны высокой активности разума офицера – его мысли закрыты для меня, но общую информацию о нем я получить могу... Он раздражен и близок к срыву... Один боец спокоен... до тупости. А другой... Это он – охотник.

– Стой!

Охотник открыл мне линию. Я остановился, определив его огневую позицию, наметив резкое движение к выбитым дверям пустого здания, но уходить не спешу, ожидая...

– Олаф!.. Не стреляй!.. Ханс... Иди приведи его...

Из руин ко мне вышел штурмовик. Ханс. Тощий, ободранный – он давно вне системы. Лицо у него простое, честное – не похоже, что он изменник или беглый преступник. Скорей, он – дезертир по воле случая. Боец наставил излучатель мне в грудь, близко не подходит... Трудно мне будет при нужде сорвать прицел или выбить у него оружие... Но его не трудно будет отвлечь... Соображает он туго, хоть и сосредоточен.

– Идите со мной, полковник.

Я пошел вперед, зашел в здание, в прямой темных коридор... Боец с тяжелой, грубо обработанной, шкурой скингера на плечах в распахнутой куртке, открывающей покалеченную старыми ожогами грудь, идет следом, не опуская оружия. Ему жарко... А я так замерз...

Он привел меня в просторное помещение без окон. В пустом дверном проеме дорожку мне заступил лейтенант службы внутренней безопасности AVRГ. Я сразу отметил его серьезный и осмысленный взгляд. Но глаза его туманит что-то помимо усталости. Видимо, он находится под тяжелыми препаратами – болевыми блокаторами центрального действия... И, видимо, дозу он вколол только что – я отметил в его мысленном фоне спокойствие, которого прежде не было... Он сильно обожжен – не знаю, как он еще жив, но долго ему не продержаться точно. Он, обессиленный, стоит передо мной молча, но, вставший за его плечом, боец готов действовать. Олаф. Лицо у него угрюмое, но взгляд открытый, дерзкий... Заносчивый – он ощущает и показывает силу. Этот дезертир, скорей, бежал от кары. К нему мне нужно присмотреться внимательней и глаз с него не спускать... Он окончательно одичал, скитаясь по руинам, – его длинные волосы собраны шнуром у затылка, голенища сапог обернуты меховыми крагами, к ремню пристегнут скрученный трос, похожий на жесткий хлыст...

Лейтенант с трудом всмотрелся в меня, прищутив разъеденные дымом глаза...

– Вы кто такой, что здесь делаете – один, без оружия?..

– Олег Горный. Я остался здесь один, безоружным.

Лейтенант с недоверием всмотрелся в мое лицо пристальнее...

– Адьютант Беркутова?..

– Был. Теперь нет ни его, ни меня.

– Властно Снегов у вас порядок наводит – что не чистка, все зачистка... Ушли?

– Ушел.

– Я понял, что вы не посланный по следу ликвидатор... Офицера СГБ ранга S9 разве что на бойцов Хакая натравить могут... А здесь, кроме нас, теперь никого нет. Все сожгли, всех. И меня... Но к черту...

Лейтенант дал отмашку бойцам, но только Ханс сразу, хоть и лениво, опустил оружие – Олаф держал меня под прицелом, пока лейтенант не указал мне место у потухшего кострища... Костер погас, но угли еще тлеют, сонно и вяло потрескивая красным жаром... Я с облегчением опустился возле угасающего костра, протягивая его милости обмороженные руки. Лейтенант в изнеможении рухнул рядом со мной на смердящую в тепле необработанную шкуру скингера. Он хмуро ухмыльнулся, заметив, что мои зубы сжаты болью, пробирающейся по моим замерзшим рукам вверх и вглубь вслед за жаром последних всполохов костра. Он запрокинул голову, вскинув измученный взгляд к прокопченному пожаром потолку...

– Добро пожаловать в Валхаллу, павший воин...

Я поднял на него глаза, успев заметить тень очередной усмешки... Он понял?.. Он знает, что я мертв?.. Что я только безымянное подобие убитого офицера, воскрешенное врагом?.. Нет, он не знает – не может знать, не может заметить... Просто, мы все здесь – павшие воины... оказавшиеся здесь не после смерти, а после жизни...

– Боги встречали новых дружинников песней валькирий, чашей меда и куском мяса...

– Что ж, полковник, будут вам и песни, и мед, и мясо... Ханс, что стоишь, рот разинув?!

Олаф бросил мне в руки через костер поломанный нож с насаженным на лезвие куском подгоревшего остывшего мяса, Ханс передал флягу с подмерзшей водой и куском проволоки для колки льда... Но я отложил проволоку, поднося флягу к гаснущему костру... Лейтенант вдруг передернул плечом, будто оскорбленный моим жестом...

– Точно, вы ж вечно сытый и холеный питомец штаба Ясного, полковник... Но скоро вы не станете раздумывать над куском мяса... и спрашивать не подумаете, чье это мясо...

Сердце сжалось за грудиной промозглым холодным комком... Я обернулся к Олафу и Хансу...

– Вы что, мертвецов едите?.. Людей?..

Вместо ответа Олаф пожал плечами...

– Живых мертвые кормят, полковник...

Ханс бросил на него мрачный пресекающий взгляд, подсаживаясь ко мне...

– Ешьте – скингер это. Остался еще у нас кусок туши замороженной – только “стрелы” встали отсюда километрах в шестидесяти, не смогли мы с собой всю тушу пешком притащить, бросили... со шкурами и котлом. Ешьте быстрее – нам уходить скоро...

Лейтенант не смог выжать через приступ возвращающейся боли очередную горькую усмешку и сжал в зубах только прикуренную сигарету, бросая мне пачку... Он затянулся и выпустил дым, кривясь от боли, задыхаясь от рваного кашля...

– Ненавижу огонь, полковник... Ненавижу дым... Ненавижу этот костер и эти сигареты, но они мне нужнее ненависти... Потому, что ненависть к ним для меня – смерть... а я еще жив...

Я посмотрел на его закрытые потемневшими повязками ожоги... Не понимаю, как он мог стрелять... как он вообще еще...

– Вы были здесь, лейтенант?

– Швайген...

Я невольно вскинул на него взгляд, всматриваясь не в него, а в темноту за ним... Нет, это только мои натянутые нервы... Он не может пройти так тихо, бесследно... Но я все время жду, что он придет – Тишинский... Придет из темноты, из тишины – с молчанием и хищным взглядом...

– Это мое имя – Гюнтер Швайген... А что, полковник?.. Подходящее имя – для разведчика...

– Вы были здесь, Швайген...

– Был и есть... Еще есть...

– Город был блокирован силами СГБ по приказу верховного главнокомандующего. Никто здесь выжить не мог...

– Я и не смог...

– Вы выжили...

– Не выжил... К вечеру свалюсь и не встану. У меня болевые блокаторы кончились. А без них – шок и конец. Еще до заражения...

– Вы выжили в огне, Швайген...

Он остановил уставшие глаза на противоположной стене, цедя дым через сжатые зубы...

– Хотите знать?... Много ума не надо было, чтоб разобраться, что городу этому много чести – такими силами мятеж обычный усмирять... Понял, что бойцов Хакая обнаружили здесь... Понял, что взгляд вашего замерзшего вечным холодом главнокомандующего устремлен к этому укреплению... А я знаю, что его взгляд все белыми лучами сжигает дотла. Знаю я, что если не вычислит он среди его бойцов и офицеров шпионов, – тогда истребит их всех... Мне известно, что он ни одного не пощадит – никого с территорий укрепления не выпустит – всех сожжет, только бы к данным системы незамеченных врагов не допустить...

– Бежали?

– Бежал. От огня бежал...

– А оцепление?

– Не преодолел... Свалился под ноги бойцам СГБ и лежал трупом под пеплом... Переступили они через мой труп... когда пламя полегло, когда они ближе к укреплению подошли...

– Проверяли ведь всех...

– Проверяли. Сошел я за мертвеца... В общем, я и был – мертвецом... Но бойцы эти меня подобрали, как увидели, что я офицер DIS. Я им нужен был, вот они и постарались... Как только штурмовики СГБ оставили базу в мертвой тиши и могильном холоде – вернулись мы втроем. Я дальше идти не могу. И они – не могут. Им офицер здесь нужен – одни не справятся. Я рад, что вы здесь... Не хотелось мне их оставлять без присмотра... А вы уж точно пересечений с патрулями не допустите – вы ведь здесь графики составляли... И с ликвидаторами вы разберетесь – ведь вы – ликвидатор... хоть и штабной...

– Вам лучше молчать, Швайген...

Он закашлялся надсадным смехом...

– Я всю жизнь молчал!.. И скоро замолчу на всю смерть, полковник!.. Я и сейчас не могу ничего сказать в голос – дыхания не хватает... легкие, будто сожгло... Дайте хоть мысленно... Не обрубайте мне линию... Посмотрите лучше на этих – на обоих... Я все пытаюсь понять, как они – дезертиры пропащие – не побоялись ко мне шага ступить... Ко мне – к карателю, к ликвидатору... К тому, кто всю жизнь терпеливо искал и жестоко уничтожал подобных им... Подобных им преступников... Преступников, полковник!.. Я не понимаю, как я пошел с ними!..

Ханс вздрогнул и с обиженным удивлением уставился на лейтенанта...

– Гюнтер, вы просто хотели жить... как мы... Мы не виноваты, Гюнтер...

– Не виноваты?! Мы?! Преступники?! Мы – преступники, Ханс!

– Гюнтер, но я не виноват...

– Заткнись, Ханс!.. Ты – дезертир!..

– Но я ж не знал... Гюнтер, я узнал об этом не сразу... А потом было поздно... Просто, меня активировали перед боем и послали в бой... А я еще не понял... Ничего еще не понял... У меня в голове пусто было... Я знал все только об оружии, но больше – ни о чем ничего не знал... Олаф мне объяснил потом, что мне не всю программу высшей памяти загрузили, а тогда мне об этом не сказал никто... Мы все бились в лесу, все летели по лесу... бросили сдохшие “стрелы” и все шли через лес... А “драконы” были будто везде, но их будто нигде не было – мы их стрелков не могли отследить... И командир стал меня посылать, но я не понял, куда... Тогда он стал орать, и я заткнулся и пошел по его приказу, но я не понял, куда надо идти...

– Ханс! Он тебя в разведку послал, а не туда, куда ты пошел! Придурок... И ты, Ханс!.. И твой командир, который тебя в разведку послал!..

– Он тоже сказал, что я придурок... Сказал, что у него взвод придурков... Но вообще очень злился – и на нас, и на наших создателей, и на заводскую технику, и на программы памяти... Олаф мне потом объяснил, что ему действительно было, на что злиться... А я тогда, в лесу, остался один, среди врагов... И я не знал, что делать, пока не встретил других бойцов... Их командир сказал, что я должен идти с ними – я пошел... он же приказал... Мы летели на север – подальше от Штрауба –

к старой базе возле укрепления Штильштадт... Но раз перед рассветом этот командир подошел ко мне и сказал, что теперь я должен идти один, иначе меня съедят... Я не поверил – ведь это неправильно, но он приказал, и я полетел... Но я не знал, куда лететь, а “стрела” была с испорченным навигатором... И вообще – ее разум был сломан, и она работала только на прямом управлении – я у нее и спросить ничего не мог... Вот я и заблудился... и чуть не замерз, когда у “стрелы” энергия кончилась...

– Как же ты один в снежной пустыне со сломанной “стрелой” не сгинул?..

– Меня нашли охотники с укрепления Штурмштадт – с седьмой базы Хантэрхайма... Но они сказали, что в Штурмштадт нам нельзя, что надо жить на старых базах далеко от центральных укреплений... Олаф был главным, он научил меня бить скингеров... А потом скингеры стали злей и опасней – им перестали проводить коррекции, и охотиться на них стало сложнее... Тогда мы покинули север – мы с Олафом... ведь скингеры сожгли всех остальных... А мы с Олафом без сырого мяса стали зубы терять... И он сказал, что нам нужно мясо и хвоя, что надо двигать на юго-запад... Но нам было так трудно прятаться близ Штрауба, что мы ушли на восток... Олаф всегда считал, что прятаться надо не просто в таких местах, где нас сложно искать, а в таких, где нам вообще уцелеть сложно, – в таких местах особо не ищут... Поэтому мы идем дальше на восток – на базу Сюань-Чжи...

Лейтенант с раздражением, нарастающим вместе с болью, бросил окурок в костер...

– Сюань-Чжи... Да, на этой базе вас сильно беспокоить не станут – она брошена и Снеговым, и Хакаем. Просто от нее, считай, ничего не осталось...

– Нам с Олафом хватит и того, что осталось... Нам многого не надо, Гюнтер...

– Тогда сразу в выжженные пустыни идите – точно никто искать не будет...

– Олаф сказал, что пойдем, когда припрет... Но мы сможем остаться только у границ выжженной пустыни, куда еще заходят крысы... А станет совсем тяжело – вернемся к границам ледяной пустыни, куда еще заходят скингеры... и крысы... Мы бы не ушли с севера, если бы не разведчики... Если бы только скингеры стали злее, мы бы еще могли остаться – достать специальную защиту и технику охотников Хантэрхайма... Скингеры такие – они бегут только, когда есть, где скрыться... А когда местность открытая или когда их припрешь, – они нападают... Иногда они кажутся неопасными, но вообще они – страшные звери... И крысы – страшные звери, когда нападают стаяй или когда просто голодны... Но зато они живут везде – крысы. Олаф сказал, что в выжженной пустыне, где воды нет вообще, они делают воду... Не берут, а именно – делают...

– Синтезируют, Ханс...

– Да не важно – делают же... И мы можем пить их кровь... Только их поймать еще надо... Они умные – не попадаются... особенно в сложные ловушки. Я заметил, Гюнтер, что сложные ловушки их разведчики обходят всегда, когда простые – не все время... И мне еще постоянно приходится прятать эти ловушки, подделывая их под окружающую местность...

Олаф, припав на колено у кострища, раскидал железным штырем угли, присыпая их опаленными осколками сложной техники – оборудования этой базы, специализированной на человекостроении.

– Заткнись, Ханс. Нам пора.

Ханс умолк, робко улыбнувшись лейтенанту, поднялся, подбирая и скручивая шкуры. Олаф энергично кинул мне контейнер с медикаментами...

– Сильных болевых блокаторов нет – заряжайте шприц всем, что хоть отчасти поможет. Швайген должен еще продержаться... И антибиотик колите – схема есть, с пометками дозы.

Я с сомнением посмотрел на лейтенанта и, жестко схватив Олафа за плечо, отвел его в сторону...

– Ему это не нужно.

Олаф вырвал руку из моей хватки, раздраженно вздернув плечами...

– Он сейчас от боли орать начнет. Сколько-то протерпит еще, а потом – заорет. Никто не способен столько терпеть, а нам нельзя шум поднимать.

– Олаф, он не может идти, а мы не можем его тащить. Его нельзя брать с собой.

– Я его здесь одного не оставлю.

– Его нельзя здесь оставлять. Мы на территории врага. Это закон – тяжело раненых при проведении таких операций не забирают и не оставляют.

– А мне плевать на этот закон и порядок, полковник. Я не дам вам его пристрелить.

– Хотя бы пожалей его, если порядка не признаешь.

– Он не хочет умирать – хотел бы, застрелился бы давно.

– Он все равно умрет – в мученьях.

– Слушайте, полковник, это его дело. Идите колите ему болевые блокаторы.

– Не забывай, ты обращаешься к высшему офицеру, Олаф...

– Хоть к черту... Здесь нет высших и низших – есть только живые и мертвые. А Швайген еще жив...

– Ты забываешься, боец.

– Нет. Не нужны мне здесь ваши аристократические замашки. Это вам не штаб Ясного, где сил и времени у всех довольно такой порядок соблюдать.

Я положил заряженный шприц, взял заряженный излучатель... Но Олаф резко перехватил мою руку, удерживая с готовностью сломать кости...

– Не дам...

Короткий удар рукоятью сломанного обгоревшего ножа по его тыльной стороне ладони меж сухожилий – и я сбил, сорвал его захват... Он отдернул руку...

– Не перечь мне, Олаф.

Он блеснул на меня глазами, вобравшими отблески грозового неба Хантэрхайма...

– Вы мне сухожилия перебиваете рукоятью ножа, на лезвии которого я вам мясо жарил... И после этого вам не перечить?..

Я отстранил его, но он не отошел, упорно заступая мне дорогу...

– Ты преступник, Олаф, – не тебе судить о чести и благородстве.

– Вы считаете, что ваша честь не для всех, – что ваши правила чести не для тех, кто преступил их... Тогда что ж мне не счесть, что вы ушли с территорий моей чести, когда вы переступили границы моих правил?.. Благородство – это оружие сильных, защищающее и карающее всех, подчиняющее всех... Иначе – это только видимость – только ложь...

– Я не преступал закона порядка, Олаф, что дает мне право судить силой и законом порядка.

– Да, я дезертир, полковник. Но я честен. Я вернул долг системе, отдав ей все, что она дала мне – мою кровь... Она больше ничего не могла дать мне – мне больше нечего было окупать моей кровью... Я ушел.

– Ты не просто ушел, Олаф. Ты – бежал...

– Да, я преступник. Но я покинул систему не оттого, что совершил преступление, – я совершил преступление оттого, что покинул систему. Просто, мне не по нраву, когда мне заступают дорогу... Я этого не терплю, полковник...

– Мне безразлично, что тебе по душе, а что – нет, Олаф. Уйди с дороги.

– Для меня сойти с вашей дороги значит – сойти с моего пути. Не ждите от меня покорности – я боец Хантэрхайма, меня можно только убить.

Я не сталкивался с бойцами Хантэрхайма в бою, но мне достаточно известно об их бесконтрольной гордости и силе... Этим людям создают специально для северных пустынь – только таким бойцам достает сил без усталости биться с врагом среди вечных льдов, и только вечные льды позволяют офицерам ограничить их волю, убавляя их силу. Олаф смотрит мне прямо в глаза, но я теперь смотрю только на его руки...

– Не вынуждай меня применять силу, Олаф...

– Я знаю вашу силу, а значит – знаю и слабость, полковник... Вы профессионал, но вы изнежены узкой специализацией... Вы думаете, что тонкие знания дадут вам преимуществ больше, чем грубая сила...

– Верно, Олаф.

– Но вы – только счетная машина... Ни один ваш расчет не соперник моей злобе...

Я с трудом удержался от тяжелого вздоха... Я знаю, что он прав, – стоит мне его разозлить, он перестанет подчиняться рефлекторным реакциям, не будет послушен болевому воздействию...

Тогда я не смогу остановить его... и убить его будет непросто... Он не отступит ни раненым, ни покалеченным... не сделает того, на что я буду рассчитывать, не ответит так, как я буду ждать... Но я еще надеюсь его переубедить – ведь он, в общем, умен... Надеюсь обойтись без крови из-за Ханса – этого покладистого солдата, который мне понравился сразу, которому этот охотник заменил и соратника, и командира...

– Олаф, ты должен сдерживать злобу, иначе я должен буду тебя устранить.

– Устранить?! Так в штабе называют убийство?!

– Я готов рассчитывать вам схемы, но вы обязаны подчиняться мне. Отойди, иначе со мной пойдет один Ханс.

– Ханс останется со мной – буду я живым или мертвым! Вы что, не поняли, что я для него – и жизнь, и смерть?! Он ходит следом неотступно, как замученный звереныш, прибившийся к первому встречному, не избившему его до полусмерти. Он будет со мной – с его большой преданностью слабого сильному! Навечно! А вы без нас здесь с голода помрете, полковник!

Я подключил излучатель... Олаф перевел мрачный взгляд на поджатый моей рукой спуск, на подсвеченный ствол, наставленный ему прямо в грудь...

– Отойди, Олаф...

– Нет! Пришли к нам с вашим законом, негодным у нас, думая, что годен только ваш закон – всегда и везде... Нет, полковник, – у нас другой порядок... У нас нет заводов, штампующих бойцов по первой нужде... Нам нужен каждый охотник, каждый стрелок – до его последнего боя, до его последнего вздоха... Швайген хороший боец – он нам нужен. Колите ему дозу!

Лейтенант, скрипя зубами от боли смешанной с досадой, нестойко поднялся со шкуры, с видимым усилием делая первый шаг к нам... Но, приблизившись, он резко схватил Олафа за ворот куртки, с силой отбрасывая его в сторону от меня... так же жестко и бесцеремонно толкая меня в грудь...

– Какого черта вы, оба, мою шкуру делите?! Она еще моя!

Пользуясь моей секундной оторопью, он выхватил из моих рук оружие... выхватил из рук Олафа шприц...

– Вы, оба, мозги включите! Я вас обоих положу – в лужу вашей крови лицом вниз, чтоб захлебнулись, чтоб я знал точно, что нет больше вас обоих! Придурки вы, оба! К неподчинению не привыкли! А я ко всему привык! Вот и получайте мои привычки! Я не за жизнь, не за смерть не цепляюсь! Но вам со мной не покончить, пока вы с грызней не покончите! Пошли! Время уходить!

Лейтенант опустил оружие, замер, уронил голову... и рухнул на пол без сознания... Олаф, бранясь сквозь зубы, бросился к нему, на ходу подбирая выпавший из руки офицера шприц. Все это время тихо молчащий Ханс подал мне поясную портупею с забитыми энергоблоками ячейками, с двумя кинжалами на крепежах... Как только я застегнул ее, он подал мне так же плотно забитую энергоблоками плечную портупею... Я промолчал, только подумав, что этих зарядов будет достаточно, чтобы снести все объекты в округе, разнеся здания в пыль...

– Я знаю, что вы не привыкли носить столько зарядов, полковник... Знаю, что это не правильно... Но ведь нам без этого никак... Вы не думайте, полковник, что я их не проверил... Я проверил – они все исправны, не рванут... все блокировки в порядке...

Мне на плечи упали тяжелые лапы зловонного скингера... Я взял в руку безвольно ударившие меня по груди когти зверя... Провел рукой по белоснежному, хоть и запачканному сажей, меху – густой короткой подшерсток, гладкий длинный волос... Ханс сколол у меня на груди обвившие мою шею звериные лапы, надернул мне на голову капюшон, обравив мои глаза прорезями пустых глазниц зверя...

– Теперь вы будете видеть и его глазами, полковник, слышать и его ушами...

– Ханс, так я не слышу ничего, а мне слух необходим.

Олаф взглянул на меня, отходя от открывшего глаза лейтенанта...

– Обмороженные уши вам слух не усилят. А запах терпите – на морозе так пахнуть не будет. И не кривитесь, полковник... Или вы думали, что все время здесь чистым проходите?... А ты, Ханс!.. Ты что, думаешь, что он без адьютанта снарядиться не может?! Не подавай ему оружие! Он теперь руки в кровь вместе с нами обдирать будет!

Олаф сунул мне в руку моток тонкой проволоки, бросив к моим ногам канистру химической отработки, слитой у сломанных “стрел”, швырнул вьюк...

Я перебросил через плечо три боевых излучателя, взятых из груды оружия, сваленного в углу, помог подняться обессиленному никак не уходящей болью лейтенанту... Ожоги и тяжелые препараты, по всей видимости, туманят теперь не только его взгляд, но и сознание... Ориентируется и координирует движения он с трудом, но оружие еще крепко зажато в его руке упорством. Ханс вручил мне исцарапанную флягу и набитые железным звоном подсумки...

– Не пойдет, Ханс, переложить надо. Шуметь теперь не будет никто и ничто.

Ханс, торопясь, высыпал из подсумков гремящую грудю пряжек и карабинов, наскоро прокладывая их вырванными из шкур ключьями меха... Я взял и рассмотрел одно из креплений...

– Ханс, оставь это барахло. Теперь нам действительно надо спешить.

– Это не барахло, полковник, – это нужно...

– Зачем?

– Спусковые механизмы делать...

– Зачем, Ханс?

Олаф, похватав последние железки, махнул Хансу рукой, чтобы он скорей сворачивался.

– Мы на зверей силки ставим, капканы... ловушки устраиваем на звериных тропах. Берите этот вьюк, полковник, – мы в лесу топлива для костра прихватили. У нас жира скингера нет, отработки почти не осталось – кроме дерева, огонь кормить нам нечем. И мох не забудьте – этот клок, для растопки. А то здесь мы ничего не найдем – огонь здесь уже все сожрал.

Запись №4

Я провел их точно, пересечений не было, хоть маршрут и был сложен. Мы еще далеко от восточной границы Вэй-Чжен, но, совершив десятикилометровый марш-бросок, пришлось искать укрытие для короткой остановки. Швайген не выдерживает перехода, несмотря на то, что Олаф, передав мне вьюки, тащил его почти всю дорогу. Теперь мне отдых нужен не меньше, чем им всем... Я остановился у стены, припав к ее холоду спиной, утирая со лба жаркую испарину... Рука разжалась, и вьюки упали на пол, с плеч сорвались ремни излучателей, и я сбросил оружие вслед за вьюками... Мне никогда еще не приходилось таскать тяжелые вещи – плечи ломит от непривычной нагрузки... Я снял перчатку, смотря на истертую ремнями в кровь и обмороженную добела руку... Я дал руку Хансу, когда он подошел с перевязочными средствами, но он только неловко ухмыльнулся...

– Нет, полковник, вы перчатки наденьте, а это сверху – перчатки чище...

– Антисептики еще есть?

– Будут, когда мы с выжженной полосы уйдем, – тогда мы мхи соберем, и Олаф их обработает, он умеет... А сейчас вся надежда на холод – в холоде вся зараза спит или вообще мрет... Разведите костер – лейтенанту надо... А то Олаф от него отойти не может, а мне нужно крыс добыть – здесь ведь больше никого...

Швайген совсем плох – скоро закричит. Я краем глаза присматриваю за Олафом, который колет ему последнюю дозу обезболивающего перед тем, как сменить повязки. Я развожу костер из обломков сучьев – этого ненадолго хватит... У Ханса в канистре еще осталась слитая со вставшей “стрелы” химическая отработка, но и этого хватит ненадолго... Огонь с шипением взметнулся высокими дымными языками... Но Олаф налетел на костер холодным ветром, чуть не сбив ярящееся пламя... Его глаза сверкнули холодом в горячих перепадах света... Он резко одернул рукой взвившийся ему навстречу всполох, укрощая огонь, как бушующего зверя... Он смерил поднимающееся искрами зарево высокомерным взглядом, обернулся к оставленному им лейтенанту...

– Терпи, Гюнтер! Терпи! Слышишь, Гюнтер?!

Я поднялся, намереваясь подойти к бессильно уронившему обожженные руки офицеру, но Олаф решительно преградил мне дорогу...

– Не пушу... Не трогайте его...

Мне пришлось настойчиво отстранить заносчивого бойца... Он пропустил меня, но остался рядом... Я подошел к лейтенанту, опустился перед ним, положил его бессильно запрокинутую голову на колени, вглядываясь в его едва прояснившиеся от последней дозы глаза...

– Черт, полковник, хоть вы послушайте... Хватит с меня... Помогите мне... Я не могу... Руки будто скованы... все из-за этих сохнувших корок, все из-за болевых блокаторов... они отключают мои нервы... Просто сделайте – и все...

– Я понял. Я помогу вам.

Олаф набросился на меня, срывая с меня портупею, отбрасывая ее в сторону вместе кобурой и клинками...

– Нет! Не слушайте его! Это еще не все!

Я постарался как можно спокойнее и убедительнее отстранить упрямого бойца...

– Он умирает, Олаф.

Лейтенант с трудом повернул к нему голову с уже проступившим на потрескавшихся губах белым налетом смерти...

– Олаф, ты ж не дурак... Ты что делаешь?... Эти черные корки душат меня... и дым, который вьется мне в легкие... Я продолжаю гореть, Олаф... И я сгораю...

– Нет, еще не все! Я не отдам тебя огню!

– Олаф, ты меня знаешь только... Мы прошли отрезок этого нелегкого пути вместе, но теперь пора разойтись... Отпусти меня...

– Я никого не отдам огню! Слышишь, Гюнтер! Никого больше не отдам огню!

Олаф схватил за плечо Ханса, вбежавшего с готовым к бою оружием, рванув куртку на его груди...

– Видишь эти ожоги, Гюнтер?! Эти проклятые твари! Эти мохнатые кипятильники пытались сжечь нас всех! И сожгли! Но не всех! Он терпел! Он верил мне! И он продолжает охоту!

– Олаф, это его дело, что ему терпеть...

– Эти корки – это хорошо... Они отпадут и останутся только шрамы...

– Ты видел мои руки...

– Заражения не будет... Мы скоро перейдем выжженную полосу и...

Ханс, бросив оружие, схватил Олафа за обе руки, глядя ему прямо в глаза...

– Ты не можешь не отдать его огню, Олаф, – огонь взял его... Ты что, не видишь, что огонь забрал его?... Ты сильный, Олаф, но и огонь силен... Пламя забирало и будет забирать охотников, которые приходили и будут приходить из пламени... Тебя обжигал и огонь, и лед, но ты шел и идешь по огню и льду... А Гюнтер... он скован огнем, огонь не дает ему идти...

Олаф коротко кивнул головой, и Ханс отступил... Лейтенант с облегчением вдохнул холодный ветер, налетевший в пустые двери со снегом... Его боль отступила с приближением молчаливого успокоения, следующего за подошедшим к нему Олафом... Он остановил прояснившийся взгляд на скинувшем с плеч тяжелую шкуру бойца, опустившимся перед ним на колени. Всполохи потревоженного ветром костра забились пульсом на холодном лезвии клинка Олафа, распахнувшего куртку на покрытой крестами шрамов груди... Тонкие надсечки проступили кровью под отточенным лезвием, чернея под прокаленным клинком...

– Огонь прожжет твоё сердце, огонь прожжет твоё имя в моем сердце. Ты сильный воин – Один откроет перед тобой чертог Асгарда, Валхаллу. Скоро ты услышишь звон кольчуги посланной тебе навстречу девы, спустившейся с неба на белом коне. Мы встретимся, Гюнтер, на пире перед последним боем, оканчивающим и начинающим Войну.

Олаф резко подключил лучевой резак, оставив отрывистый крест на груди лейтенанта, будто продолжающего заморожено смотреть на его застывший в отблесках костра клинок... От блистающего клинка глаз не могу отвести и я... Кинжал полоснул по стянутым шнуром волосам бойца, беззвучно срезая их, оставляя в сжатом кулаке Олафа светлые пряди, ручьем струящиеся из его руки в трескучее пламя, исчезающие дымом еще над огнем...

– Клянусь, что больше не отдам голодному огню ни одного живого воина, разделившего со мной врага и дорогу, отдав ему взамен всех мертвых.

Ханс, грустно понурившись, сел у костра, сняв с шеи обвязанных тонкой проволокой за хвосты крыс, бросая их на пол... Я отпустил голову мертвого лейтенанта, поднимаясь перед застывшим у огня Олафом...

– Ты язычник...

– А вам что?..

– Ничего, Олаф... Просто, я не знал, что кто-то еще верит древним легендам...

– Мы храним наши легенды, полковник. Это легенды воинов...

– Древних воинов...

– Мы не меняемся с течением веков, как не меняются наши войны. Мы меняем оружие и форму, но мы неизменно – воины, идущие на врага войной. И так будет до тех пор, пока будет война, а война будет до тех пор, пока будем мы.

Олаф вскинул на меня холодный взгляд светлых глаз, отражающих мечущееся на ветру пламя...

– Вечная война... такая же бессмертная, как мы...

– Такая же вечно молодая и вечно старая, как мы, полковник... Она сгорает в огне, подымаясь из пепла, как эта крепость, как ее хозяин... как трижды сожженный Хакай, вновь вернувшийся пробудить уснувших под холодной рукой Снегова “драконов”.

Я замер, всматриваясь в темноту... Холод прилип к спине с просыхающим кителем... Я не понимаю... Нет, мне показалось – и тогда, и теперь... Он не здесь – Тишинский... он не стоит во тьме и не смотрит в мои мысли... Его открытые на мгновение глаза не сверкнули из мрака при произнесении имени заклятого врага... Его нет – я бы увидел его задолго до того, как он подошел... Я бы сразу заметил его ментальный фон, потому что ищу его, потому что жду...

Судорожно глотнув воздух, я подошел к темноте, всматриваясь в белесую беззвездную ночь за пустыми дверями... Снег не дает тьме подступить ко мне во всеоружии, но она прокрадывается крепчающей стужей за ворот шинели... Скоро небо прояснеет и провалится бездонным мраком ввысь, открывая звезды...

Я вернулся к распустившему хвосты искристому костру, но его тепло только сильнее пробрало меня холодом... А запах смолы, рвущейся из-под коры только что подброшенных Хансом в огонь еловых сучьев, связал легкие...

– Собирайтесь. Ханс, бери своих крыс и идем... Живей.

Олаф резко обернулся ко мне, и Ханс бросил, только что надсеченных для обдирания шкурок, крыс...

– Что, патрули перестроили, полковник?

– Нет, Олаф... Это – каратель...

– Один?

– Один...

– С одним мы без труда справимся...

– С этим – нет... Ни с ним, ни с его “защитниками”...

– С “защитниками”? Это не простой ликвидатор?

– Молчи. Идем.

– Вы засекли его? Он здесь? Но я его не вижу...

– Олаф, он еще далеко, но будет здесь. Он не должен найти нас. Надо уходить, пока не кончился снег.

Ханс изумленно распахнул глаза...

– Что это значит, полковник? Откуда вы знаете о нем, когда его здесь еще нет?

Что значит?... Это значит, что теперь я уверен, что Тишинский не отпустил меня, что придет за мной... Я уверен, хотя понятия не имею, зачем я ему – безымянный офицер, с чужой памятью, открытой врагу... пощаженный, изгнанный и преследуемый...

– Не задавай вопросов, Ханс. Подключи расщепитель, мы не должны оставлять тело офицера. Мы не должны оставить ни одного следа. Ему нельзя оставлять ни одного следа. Нужно уйти, пока не перестал снег, скрывающий след... пока не открылись светящиеся звезды...

Я опустился перед костром, спешно туша его, разбивая дотлевающие угли клинком, присыпая золой еще горящие...

– Полковник, это хороший нож – не надо его в огонь... И поленья эти... У нас же других дров нет...

Я обернулся к Хансу, и он замолчал, еще шире распахнув глаза, но на этот раз не удивлению, а – страху... Олаф тревожно вскинул оружие, но я махнул ему в сторону мертвого лейтенанта... Под потоком расщепителя сразу низко загудел, прохладно замерцал воздух, скрывая офицера призрачным светом...

– Вы, оба, быстрее забирайте все! Встаньте в дверях и ждите, не входя, не выходя!

Они повиновались без слов, с напряженным недоумением наблюдая, как я, встав на колени, затираю перчатками кровь крыс до сухости, присыпая пятна пепельной пылью... как подбираю окурки, складывая их в пустой консервный контейнер вместе с осколками остывших углей от костра... Я сдуваю мерцание “мертвого инея”, оставленного расщепителем, растираю сажей светлые царапины, оставленные неосторожными шагами бойцов на плитах пола, потемневших от проползшего по ним огня...

Я поднялся, осмотрелся... и снова опустился на колени... Здесь Ханс надрезал шкурки, здесь должны быть клочки шерсти... и шкуры скингеров были свалены в углу... и Олаф ходил здесь с зажженной сигаретой, разбрасывая сигаретный пепел...

– Полковник, вы что делаете? Здесь все горело – здесь все в пепле и углях...

– Другой пепел, другие угли...

Я еще раз осмотрел помещение, осветил ярким фонарем темные коридоры, оплавленные дверные проемы, осколки опаленного оборудования... Нет, не вижу... Больше ничего. Я вышел под снег к моим бойцам... Швайген переложил на меня ответственность за них... Но я веду их за собой, ведя следом и кошмарное чудовище...

– Идем! Быстрее!

Запись №5

Широким шагом, не останавливаясь, – все вперед и вперед, все ближе и ближе к восточной границе... По снегу, под снегом, скрытые снежной стеной... Мне душно и жарко от отяжеленной грузом ходьбы, но стылый ветер бьет в спину, не давая остановиться, подгоняя... Олаф с Хансом измотаны, кажется, больше, чем я, – они выносливы от привычки, но их не гонит этот взгляд в спину... взгляд зверя с холодным разумом... Олаф нагнал меня, зашедшего вперед, стараясь отдышаться и заглянуть мне в лицо...

– Полковник, надо остановиться... Мы голодные, и вообще – не дело это в таких условиях тяжелых сил не жалеть...

Я замедлил шаг, глядя на покрывающий слежавшуюся золу сухой искристый снег... Он еще поверхностен – еще не оставляет глубоких следов, заноса едва заметные отпечатки, выравнивая скрытую пургой дорогу у нас за спиной...

– Идем. Скоро сугробы и заносы станут глубже, снег прекратится, небо прояснеет – тогда надо будет под землю спускаться...

– Мы задохнемся в подземельях, полковник... Душно в тоннелях – дымно, в гари все и в саже...

– Ничего, Олаф, пройдем...

– Он ведь не простой каратель... И он послан за вами, полковник... Верно?

– Верно, Олаф. Теперь идем.

– Как же вы от него, от такого, ушли?..

– Он меня отпустил.

Олаф сбился с шага и чуть не уронил часть поклажи...

– Что значит – отпустил, полковник?..

– То, что он привел меня на пустырь выжженной полосы, когда я шел на казнь, и – оставил. Но он не оставил меня...

– Черт... Нашли мы себе с Хансом офицера...

Я обернулся к нему...

– Олаф, сейчас мы друг без друга отсюда точно не выйдем, но при первой возможности мы разойдемся.

– Да куда нам здесь без вас, полковник?.. Мы охотники, а не счетные машины, – нам здесь без вас с разведчиками пересечений не избежать и от карателей не скрыться... Мы для этого офицера и искали.

– Тогда нам придется скрываться с трудом и старанием.

– Полковник, его убить надо – выследить и...

– Молчи, Олаф. Нам его не убить – никогда...

– А кто он, что его лучи не берут?..

– “Тень” Снегова.

– Замерзшего вечным холодом верховного главнокомандующего РССР?..

– Да.

Олаф замолчал, думая...

– Полковник, но ведь его только называют “тенью” – он просто человек, как и мы...

Я остановился, крепко сжав дрожащей от напряжения рукой его плечо...

– Олаф, он не просто человек, как мы...

Ханс, насторожившись, подошел ближе...

– А это правда, что ваш верховный главнокомандующий – самое великое творение человеческого разума?..

Ханс вздрогнул под моим взглядом, замолкая...

– Только он не человек, Ханс.

– Я знаю, что он жесток... но ведь это необходимая жестокость... Правда?..

– Не в этом дело, Ханс. Он просто – не человек.

– А кто же?..

– Никто не знает, кто он, – кем он стал... ни в штабе Ясного, ни в Центральном управлении СГБ... Мы знаем только, что он – не человек.

Ханс, зябко сжав плечи, украдкой осмотрелся... Олаф, опустив глаза, запустил пятерню в путающиеся на ветру волосы... поднял на меня решительный взгляд...

– Скажите, зачем он вас ищет? Зачем вы ему, Снегову?

– Я не знаю, Олаф. Я ничего не знаю...

– Что вы сделали?

– Я ничего не сделал – сделал Хакай... он сделал меня, воскресив офицера после необратимой смерти.

– Хакай?.. Ваша память открыта Хакаю?..

– Да. Я должен был быть казнен.

– Я думал, что вас должны были устранить вслед за вашим устраненным командиром...

– Сначала и я так думал... После думал, что буду казнен, как офицер Хакая... Теперь я не знаю, что думать... Я мертвец, Олаф. Я был убит и буду убит.

– Оказаться опальным мертвецом меж Снеговым и Хакаем... Нелегко вас занесло, полковник... А с Роттером вы никак не связаны?..

– Я между трех огней трех систем. Но я не знаю, что происходит.

Олаф сосредоточенно думает. Ханс, видимо, полностью полагается на него в этом – он смирно ждет, что-то обтирая об рукав куртки... Я перехватил его руку, заметив не характерный для нашего обмундирования золотистый проблеск в зыбком свете уже проступающих под редующим снегом звезд. На его открытой ладони, на потертой перчатке, свился тонкий золотой дракон с расправленными когтями и оскаленной пастью...

– Ханс... Где ты взял это?..

Ханс с недоумением смотрит на меня, не отвечая... Я потрянул его за плечи...

– Ханс, ты где это взял?!

– Я не знаю, полковник... Где-то здесь... Он охранял какие-то двери... Я его с трудом заметил – он весь почернел от сажи... Но он такой красивый... У “драконов” все всегда очень красивое – и здания, и вещи...

Олаф налетел на Ханса, окончательно испугав товарища...

– Где здесь? Как далеко?

– Олаф, не злись на меня... Я не знаю, где... Час назад... я увидел его...

– Ты что, совсем не соображаешь?! Ханс, там след остался!..

Я прижал к горячему лбу холодную руку, но голова просто горит...

– Олаф, оставь его... Это я недосмотрел. Я должен был сказать, что нельзя ничего трогать...

– Надо вернуться, полковник... Надо скрыть след, оставшийся от снятого дракона...

– Нет, Олаф... Поздно... Поздно, Олаф! Стойте у дверей этого здания и не выходите! Ждите, я вернусь скоро!

– Это он, полковник?!

– Нет... Еще не он – он послал другого... Стой здесь, Олаф!

– Я пойду! Не рискуйте! Без вас нам уж всем не уйти!

– Ты не справишься с этим офицером, Олаф! Он S9... Я знаю его... Стой здесь, не сходя с места, – это граница патрульных квадратов... Разведчик пролетит по границе зоны восприятия – он вас здесь не заметит...

Я бросил все, что только мог, оставшись в одной черной шинели, скрывающей меня в густеющей тьме, и зашел во мрак выгоревшего здания... Рокотов еще далеко, но он уже в зоне ментального восприятия... Рокотов – старый боевой офицер СГБ... офицер S9, равный мне по силе и знаниям... Идя навстречу, он открыл мне линию...

– Горный, время вашей казни еще не пришло. Подпустите меня ближе, мне нужно подойти.

– Оставайтесь на месте, если не собираетесь вступать в бой.

Он остановился, так и не достигнув зоны визуального контакта.

– Горный, я должен предупредить вас. Не старайтесь скрыться от нас, не пытайтесь уйти от их глаз.

– Что вам от меня нужно? Дайте мне объяснения, Рокотов.

– Я не имею права дать объяснения – только предупредить.

– Система отреклась от меня. Теперь я не подчиняюсь требованиям системы...

– Офицеры подчинены системе до смерти.

– Я мертв, Рокотов. Я мертв для системы. И вы знаете, иначе передали бы мне не его предупреждение, а его приказ.

– Не стоит отстаивать это подобие жизни, Горный.

– Я отстаиваю не жизнь, а смерть, Рокотов. Я честный офицер и не позволю казнить меня, как изменника, или пристрелить, как крысу.

– Вы шпион Хакая – вы будете казнены согласно закону, согласно порядку.

– Не ждите, что я упрошу вам приведение в исполнение кары. Кару усложнили вы.

– Вы решили окончательно, Горный? Вы понимаете, что сопротивление отяготит кару?

– Я не жду от вас пощады, но не ждите пощады и от меня.

Рокотов прервал сигнал, но остался на месте. Он знает, что моя память – память правой руки главы Центрального управления СГБ... что о чужих мученьях мне известно больше, чем ему – только ищущему тех, кто должен спуститься в подземелья...

– Я буду рядом, Горный.

Я развернулся, отключая оружие, и пошел обратно... Рокотов идет за мной следом, не приближаясь и не отдаляясь.

Побледневший Ханс встретил меня тревожным взглядом, но спросить ничего не решился... А Олаф с настойчивостью выступил вперед, взявшись за оружие...

– Полковник, вы не убили его...

– Идем. Я не могу убить его, Олаф. Иначе – придет Тишинский... Он затравит нас...

– Но этот каратель...

– Да, он идет за нами, но это временно.

– Он не убьет вас?

– Убьет, но не сейчас.

– Да что все это значит, полковник?!

- Он следит, чтобы до приведения приговора в исполнение я был на глазах у Тишинского...
- Но зачем им все это нужно?
- Я не знаю...
- Будто руггера на червя ловят...
- Я сосредоточился, отрываясь от неясных предчувствий.
- Что?.. Что ты сказал, Олаф?.. Что-то про червя...
- Бросьте вы эти аристократические замашки, полковник... Ну сравнил я вас с червем... И что?..
- Я не об этом. Что ты имел в виду?
- Вы что, не знаете, как на руггеров охотятся?
- Про червей не знаю...
- Они червей жрут. Червями мы их приманиваем. Иначе нам такого зверя никак не выследить и не завалить без техники, без специальной защиты. Мы засады под землей устраиваем, червей пуская, и следим, чтоб они не расползались...
- Хакай... Но теперь я не нужен ему...
- Может, кого еще ищут?..
- Я не знаю... Они могут найти без таких ухищрений всех... Не могут найти только Хакая...
- Ханс, объятый недоумением, все-таки встрял...
- Как же не могут, его ж три раза сжигали дотла?..
- Его сжигали, но не сожгли. Его память где-то скрыта, и он возвращается – его разум возвращается в его теле...
- Олаф запустил руку в разметанные волосы...
- Но человека не так просто сделать – нужно сложное оборудование...
- Мы не нашли памяти Хакая – не нашли никаких следов... Теперь не можем найти и его – воскрешенного.
- Олаф вскинул на меня уверенный взгляд, подтверждая его кивком головы...
- Этот “дракон” – бог, как ваш заледенелый Снегов и его “тень”. Бог, высший над жизнью и смертью, – не живой и не мертвый.
- Я собрался возразить этому, погрязшему в древних сказаниях, одичавшему солдату, но не сумел – не нашел никаких опровержений...
- В общем, все верно, Олаф... только мы не называем их богами.
- А кто они тогда, как не боги?
- Великие воины и правители.
- Боги и есть – великие воины и правители, создающие, контролирующие и уничтожающие нас.
- Значит, нам придется действовать под их взглядом. Но я уверен, что скрыться можно и от глаз богов...
- Хорошо бы, полковник... И хорошо бы поскорей... А то этот следующий за нами офицер начинает напоминать охотника мне – охотнику...
- Сейчас мы будем отдыхать... Сейчас нам нет нужды скрываться от разведчиков, от ликвидаторов... Тишинский вместе с Рокотовым послал нам покой, пусть и временный... Это значит, что и злой дух способен допустить ошибку, Олаф...

Запись №6

Ханс сноровисто пробил дыры в консервном контейнере, насыпав на дно слой искрошенного осколками дорожного покрытия, залил в контейнер отработку и поджег, нанизывая на нож, как на вертел, разделанные тушки крыс. Я с отвращением смотрел на их беспомощно задранные корявые лапы и длинные голые обугливающиеся в огне хвосты... но запах свежего жареного мяса постепенно разогнал тошноту, вызванную видом этих тварей.

- Полковник, а вы, наверное, крысу впервые есть будете, да?..
- Да, Ханс...
- А у вас, в штабе Ясного, наверное, невиданные яства каждый день были, да?..

– Нет, Ханс, просто хорошая столовая... Я вообще в Центральном управлении СГБ служил... но и в Центральном штабе бывал нередко...

– Вы там, в штабе Ясного, верно, были, как под хрустальным куполом, да?..

– А ты знаешь, что такое хрустальный купол, Ханс?

– Нет... Знаю, что так говорят... Наверное, это что-то защищающее от всего...

– Верно, Ханс... И это защищает не только от стужи и зноя, но и от уродства... Хрусталь – чистое, прозрачное стекло, надсеченное для преломления лучей радужным сиянием...

– Как в Хантэрхайме... Я видел его издали – его сияние... Я знаю, что Хантэрхайм очень страшная крепость – холодная и жестокая, но очень красивая... Я слышал, что его сияния боятся, как его мороза, но я бы смотрел и смотрел...

– Его сияние ослепляет...

– А я бы мог смотреть до слепоты... Но Олаф мне никогда не давал смотреть... Он бы мне и этот хрусталь рассмотреть не дал...

– Правильно... Хрусталь только кажется прозрачным и чистым, как простое стекло, но он не показывает правды, искажая все блистающими гранями.

– Правда не красива. Это Олаф считает ее валькирией, прекрасной только оттого, что у нее в руках меч...

– У правды суровый лик... Она для нас – и обвинитель, и защитник, и судья... Без нее нет порядка, без нее нас нет...

– Но вы же жили без этой уродливой правды...

– Нет, не жил... Я не замечал красоты, не видя уродства... Я видел лишь высших офицеров, замерших статуями в парадных облачениях. Я не знал ни огня, ни стужи будучи в скупой прохладе белоснежных залов, не видел ни света, ни мрака под ровными отсветами штабных корпусов... Я был карателем, знающим о боли все, но не видящим всей боли – был только офицером, отдающим приказы и получающим донесения... Меня будто и не было... Я будто появился только сейчас...

Я понял это как-то вдруг... и почти удивился этой мысли... Моя голова горит, и сухой кашель душит меня, заставляя отрывисто лаять... заставляя вспоминать, что я – не статуя в парадном облачении... Я впервые ощущаю что-то сильное – ощущаю жизнь... боль, забивающую радость, и радость, затмевающую страх... Я чувствую силу, не сбитую этой больной слабостью... и волю, похожую на мощного зверя, а не на кусок льда... Я всматриваюсь в лицо Ханса, и, видя его открытую улыбку с черными беззубыми провалами, вижу белые залы штаба Ясного, силуэты генералов Совета РСФСР в черных шинелях... И я неудержимо хочу крикнуть им, что они только боги, только злые духи – что они не люди... что они не знают жизни... все они... И я еще не знаю... но я хочу узнать... А эти облеченные офицеры не позволяют мне...

– Ханс, а ты ведь оказался на воле с первого вдоха...

– Да, меня прошлой зимой в Штраубе активировали – и сразу понеслось...

– Ты, выходит, и жизни другой не знаешь совсем...

– Нет... Я хотел бы узнать, но куда мне... Мне бы и эту узнать... Куда уж другую...

– Узнать жизнь... для этого нужно жить...

– Когда что-то знаешь о жизни, жить проще.

– Но как жить, когда знаешь, что тебя обязательно убьют, Ханс?..

– Ну а что делать?.. Всех когда-то что-то все равно убьет...

– Не когда-то – скоро... очень скоро...

Я уронил голову на замерзшие руки...

– Знаете, я раньше Олафа все вопросами пытал – спрашивал его об одном, за что нам столько мучений... А он всегда отвечал, что – за то, что мы живем... Олаф говорит, что ничего даром не бывает, что за все платить надо... А сейчас цена жизни велика... Но он говорит, что жизнь чем сложнее дается, тем труднее берется...

– А он не дурак – Олаф этот...

– Очень умный... Он говорит, что нашим трудом мы нашу жизнь выкупаем у смерти... Мы думаем, действуем – и живем... продолжаем жить. И когда-нибудь мы пройдем все трудности – мы выплатим смерти цену жизни, и нам станет легче жить... Знаете, как мне сложно сначала было...

Но теперь я – привык... И теперь я знаю, как бить скингеров и лечить ожоги, как ставить ловушки на крыс и искать нужные вещи в руинах – мне это стало просто...

– Ханс, научи меня ставить ловушки на крыс – я умею расставлять их только на людей...

– Конечно научу... Хотите сейчас?..

– Позже, Ханс...

Я обернулся через плечо, ища Олафа... Он подошел ближе, будто учуяв мой зов.

– Олаф, что нужно тебе не смогла дать система?..

– Я хотел другой жизни...

– Настоящей жизни?..

Олаф пожал плечами...

– Жизнь всегда настоящая... Просто – другой... Я хотел дышать ветром... Хотел только – дышать ветром... Я долго терпел, но... Я привык есть и пить, когда положено, – привык хотеть этого, когда положено... Привык убивать, кого приказано... и хотел смерти тех, кого называли моими врагами. Система дала мне все, полковник, – дала все желания и все, для их утоления... У меня было все, что было мне нужно... Но был бой... и был ветер... И он драл мне глотку холодом, когда я кричал... И он вырвал мой крик с хриплым корнем, и он нес мой крик прочь – в нескончаемую даль, незнакомую мне, хоть я и видел ее не на одних только картах... Он звал меня моим голосом, полковник... и я пошел на этот зов – на мой зов...

– Свободы захотел?..

– А что это – свобода, полковник?.. Я всегда был волен. Я считал себя свободным, когда другие считали меня и рабом, и вольным... Я волен выбирать, и я выбираю – это все. Я решаю, когда терпеть, когда бунтовать... Меня нельзя покорить – покориться могу только я, полковник... Система дала мне силу и система получила отдачу... И я убил моего соратника, чтобы жил мой ветер...

– Ты выбрал ветер?..

– Я бросил чужую жизнь в объятия вечно голодной смерти, чтобы она выпустила из когтей мою жизнь – дал ей в руки добычу, чтобы взять из ее рук ветер... Мы всегда приносили смерти жертвы, чтобы жить, полковник...

– Но ты принес ей в жертву не врага, Олаф...

– Не врага... Нет... Лишь стоящего у меня на пути... Но моими врагами всегда были – лишь стоящие у меня пути... Я думал, где грань, которая разделяет воина с врагом, убийцу с жертвой и хищника с добычей... И я не нашел грани. Я убивал, чтобы жить – и воевал, и губил, и просто жрал...

– Разделитель – только сложность организации, Олаф... Добыча дает тебе жизнь, когда ты один, убийство – когда ты в стае, война – когда ты в системе... А ты зверь – просто зверь, Олаф...

– Не просто зверь, полковник... Я – сильный зверь... Такой сильный, что могу быть один.

– Или такой слабый, что не можешь быть с другими...

– Я могу быть везде, я могу – выбирать.

– Ты не можешь вернуться в систему...

– Но я могу вернуть систему.

– У тебя не хватит знаний.

– Хватит для выживания. А больше и не надо, полковник. Мне не нужны все эти завороты борьбы разведчиков и шпионов... Я не собираюсь ломать голову о мысли – пусть мысли сломаются о мою голову...

– Они уже сломались о твою голову, Олаф...

– Ну если вы такой умный, полковник, скажите: подлец вы или нет? Вы всю вашу штабную жизнь лгали одним во имя других... Честны вы после этого?

– Я честен, Олаф. Я никогда не переступал грани – никогда не забывал, кого губит моя ложь, а кого – спасает.

– Даже сейчас эту грань не потеряли?

– Сейчас я никому не лгу...

– Потому, что никому не служите... Ни системе, ни врагу, ни себе... Ведь обман для вас – жизнь, как для нас – убийство...

– Ты прав, Олаф, я никому теперь не служу...

– Не по вашей воле... Не по вашей воле вы не служите системе – по ее воле... Она вышвырнула вас, не потрудившись даже казнить, как опасного для нее врага... Она знает, что вы казните себя сами, оставшись без нее, – она знает, что вы служите только ей, не служа себе... Вы убьете себя, храня ей верность, не присягнув на верность себе... А выбрав себя, выбрав жизнь, вы станете опасны для системы – станете ее врагом... Тогда, чтобы жить, вам придется предать ее – систему – придется пойти против нее и убить всех, кто будет послан ею убить вас...

– Замолчи, Олаф, я знаю... Просто... Это трудно...

– В борьбе за жизнь нет виновных и невинных – есть только победители и побежденные, только живые и мертвые...

– Ты человек прошлого, Олаф... Ты мог бы стать человеком будущего... Но в будущем нет человечества... Смотри на меня, Олаф, – я один из тех, кого нет без системы, кого не будет без системы... И будущее за такими, как я... А за такими, как я, будущего – нет...

– А мне плевать, полковник... И на прошлое, и на будущее... Я живу только сейчас.

– Мы все живем только сейчас.

– Но вы так далеко зашли в прошлое и будущее, что в настоящем от вас ничего не осталось...

– Все, что существует, имеет память, Олаф, – это коды, переносчики пространства во времени... Они просты или сложны... Но без них нет ничего... Код хранит память конструкции, сохраняя ее строение во времени... И сложные коды сложных конструкций требуют сложной памяти... Не помня, не прогнозируя, мы не сможем остаться на грани между прошлым и будущим, которую называем – настоящим... А с усложнением конструкции, хранимой нами и хранящей нас, мы должны заходить в прошлое и будущее дальше... Прежде мы не были объединены системой – нам была нужна только короткая память... Но теперь нам нужна долгая память, объединяющая нас системой... И такому одинокому стрелку, как ты, Олаф, никогда не зайти во времени дальше сложного объединения... Система сильней – она уничтожит таких, как ты...

– И сдохнет следом, как все остальное, что идет во времени... Все, что восходит, – нисходит во времени... Не было и не будет организма или организации не павших в руины и не поднятых из руин... И кончайте вы голову ломать, идите лучше крыс с Хансом ловить... А то – с голоду помрете, пока мысль додумывать будете, полковник. Вот проволока, тросы и ножи... Берите и идите.

Я положил проволоку на пол, сосредоточенно вглядываясь в ментальный фон Рокотова, ждущего в отдалении... Он еще бдителен, он еще не уверен, что мы здесь останемся надолго... Но он станет спокойней, когда пройдет время... когда мы допустим пересечение с разведчиком... Допущение пересечения – это успокоит его, а я смогу выправить перестроенные схемы поиска, взяв в расчет данные этих разведчиков... Тогда нас не найдет ни Рокотов, ни его разведчики... Найдет только Тишинский... но он потеряет время... Пройдет время... а время меняет и обстоятельства... Я взял энергоблок с загруженной портупей...

– Что вы делаете, полковник?..

– Присягаю на верность себе, Олаф. Готовься, скоро выходим.

Запись №7

Рокотов спокоен. Это значит, что он держит наш фоновый сигнал под контролем, но не способен определить точно наше положение... Я резко толкнул Олафа в плечо, и он сразу проснулся.

– Уходим. Сейчас.

Он не стал задавать вопросов, поняв все сразу, растолкал Ханса и схватил оружие...

Мы не спустились под землю, где велика возможность натолкнуться на заблокированные после штурма и пожара тоннели, а скоро пошли через наземные уровни зданий, избегая пересечений с разведчиками. Нужно спешить – скоро кончится время замедлителя, а рвануть должно ровно в то

время, когда мы выйдем из зоны восприятия Рокотова... Он, не сосредоточенный на нашем местоположении, потеряет нас в момент взрыва. Но надо спешить – остались считанные секунды...

Рокотов потерял наш сигнал – мы вне зоны восприятия... Я упал лицом в пол, закрывая глаза руками, увлекая за собой бойцов... Сияние ударило по глазам, за раскатами двинулась взрывная волна, накрывая нас гулом и треском, сорванными панелями и градом осколков... Мы свободны. Рокотов не видит нас, он сосредоточен на взрыве, призывая в эту зону разведчиков...

Олаф поднялся, поднимая и пыль, – будто белый зверь гордо встал передо мной... встал, будто с осыпающейся с его шкуры дымкой...

– Вы одним зарядом здание снесли... Я не знал, что вы такой подрывник...

– Ты еще много обо мне не знаешь. Идем. Скорей.

– Вы ж в штабе служили... еще и в Центральном...

– Да, мне были открыты все карты, и я был счетной машиной, рассчитывающей действия наших и вражеских диверсантов, Олаф.

Ханс робко коснулся моего погашенного погона...

– Полковник, так это значит, что вы сильнее боевого офицера?..

– Нет, Ханс. Мне не знакомы нагрузки за пределами спортивных залов.

– Это не важно, когда вы можете так запросто убить, кого только пожелаете, – любого...

– Убить недостаточно – нужно остаться в живых... Я болен, Ханс.

– Но это пройдет...

– Я не знаю. Это со мной впервые...

Олаф встревожился, нагоняя меня, припадая чутким ухом к моей груди...

– Вот черт... Трещит, как костер... Это не просто бронхит... Черт... Нам антибиотики нужны, не то вас ждет участь Гюнтера, полковник... Срочно нужны – пневмония вас быстро положит...

Я развернулся, поправляя схемы передвижений...

– Идем к Штраубу.

Ханс оторопело раскрыл рот, щедро выпуская пар горячего дыхания...

– Нельзя, полковник... Мы насилу с его территорий выбрались...

– Эти земли разорены, переходя от нас Хакаю и от Хакая к нам... Нам нужны действующие склады Штрауба...

Олаф нахмурился...

– Да вы что, какие склады?.. Нас расстреляют еще до того, как мы к базам Штрауба подойдем...

– Нет, Олаф. Я проведу вас к складам Штрауба, отводя от патрулей, я открою склады...

– Полковник, у вас жар... у вас сознание мутится.

– Нет, Олаф. Я способен сделать это – и сделаю. Я буду жить и уничтожать всех, кто придет за моей жизнью.

– Вы не сможете убить Тишинского...

– Я убью и его...

– Но вы сказали, что убить его...

– Я убью его ценой жизни. Стоит только ему прийти за моей жизнью, я приду за его.

Олаф остановился, пристально в меня всматриваясь...

– А я думал, что вы не такой, полковник...

Я ушел вперед, оборачиваясь к нему через плечо...

– Я пробудился от сна, Олаф. Идем. Скорей.

Запись №8

Штрауб близко, до границ его территорий осталось недолго, но я задыхаюсь в жару, мне нужен отдых... Топлива для костра нет, но мне костер и не нужен... Я поднес ко лбу руку и увидел свое отражение в браслете... Наверное, так выглядит оживающая статуя или человек в исчезающей маске... Еще не жизнь, еще только призрак жизни... Но мои глаза уже озарены блеском – пусть и больным... Что это?.. Сигнал – еще на границе зоны восприятия...

Я сосредоточился. Унтер-офицер AVRГ N4 и трое бойцов N2... нет – пятеро... девять, десять... и офицер S7... Я поднялся на ноги – здесь рота солдат AVRГ с командирами, с офицерами... армейские штурмовики... Но с ними что-то не так... они будто одурманены – все... Олаф, встав в дверном проеме, одарил небо заносчивым взглядом...

– Истребителей подняли... Это ваши – истребители Ясного...

Я вижу их – их холодные мысли – Ц499... Они метнулись вслед “белым медведям” Штрауба...

– Ваш Снегов что, Роттеру войну объявил?..

– Я не знаю, Олаф...

– Но его истребители по Штраубу бьют...

Все осиял белый свет... Далекие раскаты и снова зарево... и черные столбы – “небесные подпорки” – вздымаются на западе... Штурмовые “стрелы” ворвались свистом в этот далекий раскатистый гул и послышался смех бойцов... Они остановились совсем близко – они видят меня... Я подключил излучатель, но они надсадно смеются, стоя на улице около зависших низко над землей стрел... Я вчитался в их мысли... и вышел к ним, опуская оружие...

– Сержант, вы пьяны.

Унтер-офицер перестал смеяться и нетвердой походкой двинулся ко мне, протягивая мне открытую бутылку... Я выхватил бутылку у него из ослабевшей руки, бросая, разбивая о стену...

– А у меня еще есть!.. У нас их до черта!.. И будет еще больше, когда Хайнрих вернется! А он вернется! Когда упьется до того, что придется делиться!

– Мародеры...

– Мы – нет... Это Хайнрих пошел в набег... А мы ждать не будем! Устроим веселье без его скверной рати!

Он рассмеялся мне в лицо, сощутив слезящиеся от смеха глаза...

– Вы что здесь делаете в таком виде?

– А вы, полковник, выглядите не лучше!.. Вам “медвежья рубашка” впору!.. Зверем смотрите через звериные глаза!..

На этот раз раскаты его хохота подхватили и его едва стоящие на ногах бойцы... Я схватил унтер-офицера за ворот куртки, бросая его лицом в снег... Он поднялся не сразу, в недоумении разглядывая меня чуть протрезвевшими глазами... Серьезней стали и его бойцы, хватаясь за оружие, но унтер-офицер поднял руку, останавливая их...

– Что это значит, сержант?

– Вы что, не знаете?.. Вы не знаете?..

– Отвечайте на вопрос, сержант.

Он поднялся и мрачно уставился на разбитую бутылку... Я схватил его за плечо, с силой сжимая его руку...

– Ваше имя, сержант?

– Шлоссер... просто – Шлоссер...

– Что произошло?

– “Белый генерал”...

– Кто такой “белый генерал”?

– Ваш генерал... ваш Снегов... Он взял Штрауб... он берет Шаттенберг... ему не взять только Ивартэн... Ивартэн теперь... Ивартэн у них! Никто не смог отстоять его! Никто не смог забрать его у них!

– Кто взял Ивартэн? Что случилось, Шлоссер?

– Пересмотр Задач... Система раскола Пересмотром Задач... и наша техника берет наши города, уничтожая нас. А “белый генерал” берет наши города у нашей техники... Он берет все... все, что еще осталось у нас – у людей... Теперь его власть... Только его... Его одного...

– “Белый генерал” правит тремя системами?

– Больше нет трех систем! Только – одна! Только одна – расколота войной! А он правит всем... Всем, кроме них. И всем, кроме нас! Он облачен в белую форму нашего главнокомандующего... Но он не наш главнокомандующий! Нет, не наш... Это конец, полковник... Пейте с нами, полковник!

Я отпустил Шлоссера, и он пошатнулся...

- Это не конец... Это только начало конца... И это только начало нашей жизни – посмертной жизни... Начало нашего пира перед последним боем... Кто у вас главный?
- Не знаю... Нашей ротой командует капитан Верден... А кто командует Хайнрихом... никто. Но Хайнрих командует ротой... хоть он и не ротный командир...
- Здесь не только ваша рота?
- Я не знаю... Еще отряд штурмовиков DIS попался... Но они в усмерть обдолбаны... И еще эти треклятые “драконы”... Верно, диверсанты Хакая...
- “Драконы”? Где они? Сколько их?
- Где-то здесь... Нам плевать... “Белый генерал” теперь взял и наши, и их земли...
- Веди меня к Вердену. Быстро!

Запись №9

Костры... Сгоревшая база снова зажглась кострами... Здесь не одна рота... и не только бойцы, но и рабочие... Это призрак системы – уродливое отображение, брошенное на эту базу искаженной проекцией... Все объята бездумным бездельем, все объята этой смертью разума и тела... Медработники колот что-то в вены себе, не замечая раненых, которые не замечают ран... Рабочие рушат стены близлежащих зданий мощными разрядами боевых излучателей, а бойцы, бросив оружие, бьют о стены пустые бутылки...

Я скинул голову скингера на плечи и чуть не оглох от безумного буйства пьяных до беспамятства солдат... Бутылки с чистым спиртом летят в высокий костер, сопровождаемые надрывным хохотом и задиристыми выкриками... Яростные вспышки пламени бросаются в искаженные лица бойцов, швыряющих друг в друга кости ругтеров...

Олаф вышиб из рук растерянного Ханса бутылку, которую успел вручить ему унтер-офицер, обнаженный по тorsi, но в загруженной зарядами портуpee...

- Полковник... Нам надо уходить отсюда... Возьмем у них антибиотики... и врача прихватим...
- Жди, Олаф. Я должен найти вменяемого офицера.

Шлоссер беспомощно осматривается, разводя руками, – он потерял в этом разгроме своих людей... Я отстранил его, проходя меж костров, уклоняясь от бутылок и осколков...

На штабелях ящиков с боеприпасами и спиртным сидит, уронив голову на упертые в колени руки, капитан... Он выглядит не таким пьяным, как остальные.

- Вы Верден?

Он поднял голову, посмотрев не на мое лицо, а на мои погашенные погоны, почти закрытые лапами скингера...

- Я.

- Вы сможете это прекратить?

Он осмотрелся вокруг, будто прежде и не замечал...

- А зачем?

- Снегов скоро установит порядок и пошлет за вами.

- Мы будем драться.

- Ваши бойцы пьяны – они ни на что не годны. Их всех расстреляют в считанные секунды.

Верден перевел трезвеющий взгляд на мое лицо...

- А вы что, знаете, что делать?..

- Знаю. Объясню позже. Приведите людей в порядок.

Верден поднялся, беря оружие. Я ждал, что угрожать он будет мне, но он отвернулся от меня, направляясь к тому сержанту, который пытался напоить Ханса... Он резко метнул нож, и бутылка раскололась в руках унтер-офицера, принявшегося спокойно отирать о штаны порезанную осколками ладонь...

– Морген! Шлоссер! Лейтенанта ко мне! Тащите его ко мне! Живо! Спирт в огонь не лить! Голову снесу всем, кто оглох! Кончились забавы! Эй, ты, подрывник, от огня! Спирт от огня!

Лейтенант вырвался у поддерживающих его под руки сержантов, тяжело и угрюмо смотря на командира, но подчинился, постаравшись согнать одолевающую его хмельную сонливость... Под

его грубыми выкриками сержанты стаскивают ящики со спиртным к штабелю у стены, отбирают бутылки у бойцов, бросая под ноги осколками...

Я наблюдаю, как этот капитан решительно действует... Он подойдет.

– Верден, идите за мной.

Он беспрекословно повиновался, оставляя лейтенанта и унтер-офицеров усмирять негодующих бойцов, следуя за мной под высокую арку, скрывающую нас от чужих глаз...

– Верден, вы примете командование.

– Командование приняли вы, полковник.

– Я буду контролировать вас, но не буду вашим командиром. Я веду за собой чудовище...

– Вы правы. Мои люди взбунтовались против власти Снегова, они не потерпят власти его офицера – офицера СГБ.

– Я больше не служу ни Снегову, ни СГБ.

– Этого я им сейчас объяснить не смогу.

– Не имеет значения, Верден. Сейчас вы должны собрать командиров всех отрядов, включая бойцов Хакая, и дать им четкие указания с прописанными мной схемами действий. При неподчинении – расстреливайте всех.

– Вы думаете организовать эти банды?

– Я думаю – вы делаете. Чтобы выстоять против жесткой организации, нужна тайная организация. Вы поняли?

– Понял.

– Отряды разобьете на группы – пять бойцов с командиром. Группы рассредоточите, выведя с территорий Вэй-Чжен. Не допускайте пересечений – вхождения одной группы в радиус ментальной активности дугой. Используйте только металлическую связь, только через одного связного – другие сигналы будут перехвачены и обнаружены с дальнего расстояния.

– Ясно.

– Право на совершение набега будете давать вы. Мародерство должно быть ограничено и подконтрольно. Нарушения будут наказуемы. Схемы пересечений с разведчиками рассчитывать буду я – на всех территориях. Инструкции по борьбе с ликвидаторами системы я передам вам.

– Бойцы должны пройти обучение, полковник. Знания должны быть общими – здесь не возможно разделение армии, службы безопасности и рабочих подразделений.

– Это будет трудно.

– Это необходимо, полковник.

– Мы сделаем это со временем. Сейчас определите в группах и бойцов, и рабочих. Медиков распределите в зоны действия нескольких групп. Планы набегов разрабатывать буду я, приводить в исполнение – вы.

Верден согласно наклонил голову, принял схемы действий в ментальном формате. Расправил плечи, будто освободился от остатка хмельной горечи, вышел на плац – к трезвеющим от ругани взводных бойцам, к догорающим кострам. Он обрушил мысленными приказами на бойцов властную тишину, и их привычка к дисциплине взяла их за переданные командиру нервы.

Олаф, заметив меня, подошел, еще что-то вырывая из рук Ханса...

– Антибиотики у меня... и врача я вам присмотрел.

– Врачи останутся здесь, с вами – с тобой и Хансом.

Олаф окинул меня высокомерным взглядом...

– Мы с вами...

– Я не ваш командир. Ваш командир – Верден.

– У нас с Хансом вообще нет командира, полковник... Мы с ним вольные охотники – не то, что эти муравьи вышколенные...

– Я уйду один. Но я буду контролировать Вердена, вас всех.

– В таком случае вам уж точно одному не должно идти. Теперь вы, поставив под угрозу себя, поставите под угрозу весь этот буйный полк. Да и времени у вас теперь не будет о добыче крыс думать. А без крыс никак – не каждый день в набег ходить будем. А мы вам, может, и руггера как-нибудь забьем... Да и врача прихватить надо...

– Нет, тогда нас выследят. Собрались идти, так идем. Верден порядок наведет скоро, а нам здесь больше оставаться нельзя.

– Он знает, где вы будете?

– Знает, куда выслать связных, чтобы я нашел их.

Запись №9

Мне становится все холодней, несмотря на жар, которого я больше не замечаю. Я бросил шкуру на промерзший пол пустого помещения и упал на нее без сил... Я знаю, что должен наблюдать за разведчиками – постоянно наблюдать, постоянно искать, постоянно править схемы и расчеты... Но я не могу. Впервые – не могу... И впервые я нервничаю, что не справлюсь с задачей... Впервые... Я думал, что потерял все, что мне больше нечего терять... Но оказалось, что у меня ничего и не было и только сейчас появилось что-то... Я нашел то, что мне страшно потерять, а раньше у меня было лишь то, что я обязан был сохранить. А теперь я нашел то, за что хочу, а не должен, сражаться... Я в первый раз ощутил себя живым человеком, в первый раз почувствовал себя командиром живых людей... Правда, вместо вышколенных фигур, переставляемых поверх развернутых карт, под моей ответственностью эти пьяные разбойники... Но они – эти пьяные солдаты – хотят жить, хотят бороться за жизнь, подвигнутые только волей к жизни... А верные солдаты системы отдают жизнь спокойно, без сожалений, без борьбы – только служа системе... Они, скорее, как машины... Они совершают подвиг, как машины – вечно честные, вечно бесстрашные, вечно холодные... Но настоящий подвиг – преодоление бури... желаний и страхов... И пусть эти пьяные солдаты не способны совершить холодный подвиг равно всегда и везде, но их вымученный героизм имеет величайшую силу... Я заставил себя подняться и идти... Но Ханс с неожиданной настойчивостью воротил меня.

– Спите. Вы все равно сейчас ошибетесь.

– Я не могу позволить себе...

– Вы знаете, у нас здесь, в сложных условиях, правило такое – нельзя подвергаться лишнему риску, нельзя давать излишне тяжелые нагрузки, пока смерть не будет стоять за плечом... Вот тогда, когда смерть будет совсем рядом, – вы себе отступить не позволите, не позволяя ей перейти в наступление. А сейчас – рано еще.

– Это значит – потерять контроль, Ханс...

– А вы его уже потеряли, пневмонию неизвестно как схватив... Теперь придется вам положиться на судьбу и на нас... Мы ведь тоже не только крыс ловить можем. Ну я, может, только это и могу, а Олаф... Он умный.

– Ты тоже не тупой, Ханс. Ты просто безграмотен.

Ханс настороженно взглянул на меня, но увидев, что я серьезен, засиял надеждой...

– Научите меня...

– Научу, Ханс... всему, что знаю. Но не сейчас... И вы с Олафом меня научите... Но не сейчас...

Я отстранил его, подходя к почти сведенным и заклиненным дверным створам... Я знаю, что “защитники” способны обнаружить разведчика, летящего достаточно высоко, не только визуально, не только по ментальной активности, но и по колебаниям воздуха... Знаю, что здесь не место, но подниматься выше не могу... Но мне нужно поставить пробу – испытать мои силы... ведь я не знаю истинный предел моих сил... Я не знал даже, что жив... Откуда же мне знать, на что я способен?.. Я – офицер S9... и я могу больше, чем прописано в системной инструкции...

Тишина отступает с нарастающим, как скорость, звоном... Что это?.. Просто ветер... Ветер бьет мне в лицо, разбиваясь о заклиненные дверные створы... Нет, здесь что-то еще... Кто-то идет, кто-то приближается... на улице, совсем близко... Я открыл глаза, но не увидел никого... Но я уловил какую-то недоступную мне прежде частоту...

Кашель сдавил мне грудь, запирая дыхание... Теперь нет ничего, ничего не видно и...

Запись №10

Я открыл глаза... Передо мной стоит “дракон”... Высший боевой офицер – S11... Его горящий взгляд устремлен на меня. Я тихо отвел руку, но оружия нет...

– Это были вы, на улице?..

– Я.

– Вы пришли за моей памятью? Ведь мой разум давно был недоступен вам... Но вам не нужно подходить так близко – вы способны считать открытую для вас жесткую память издали...

– Молчите, Горный. Мне нужна не ваша память.

– Хакай... Трижды сожженный... Призрачный командир... Это вы. Вы здесь.

– Он ищет меня – Тишинский. “Тень” Снегова – “белого генерала”. Он оставил вас, как маяк.

– Тишинский... Он придет... Он убьет вас, Хакай.

– Все изменилось. Теперь нет смысла убивать... Теперь мы сможем только – уничтожать... Нам поздно убивать. Время убивать пришло ледяной крепости – Ивартэну.

– Вы пришли невидимым...

Хакай сверкнул на меня черными глазами, горящими то огнем, то холодом... то гаснущими немой тьмой...

– Вы знаете, что я не человек.

– А что вы такое, Хакай?

– Подобие сожженного офицера.

Я протянул руку, коснувшись его плеча...

– Вы похожи на человека...

– Похож. Я подключен в пространстве и времени. Но я буду отключен, как только будет введен код, отключающий дестабилизаторы одиннадцатого измерения.

– Вы существуете только, пока работают дестабилизаторы Пустоты?

– Я был сожжен, я исчез, меня нет. Но осталась моя память и память обо мне. Я был явлен, подключенный напрямую в пространстве и времени.

– Конечно... Стабилизаторы расчищают пространство и время до Пустоты, а дестабилизаторы строят пространство и время от Пустоты... Внедрение в высшие программы... Запретные технологии... вы применили их вновь.

– Когда вы сожгли меня вновь. Теперь я не живу и меня нельзя убить. Теперь я являюсь и исчезаю, следуя зову системы. Но скоро я исчезну бесследно. Я передам мои армии Снегову. Тогда моя задача будет завершена.

Я склонил голову перед этим жестоким мучеником... Мы трижды сжигали его, а его бойцы трижды поднимали его из пепла, вынуждая вновь и вновь сжигать наши крепости. Он раб, принужденный существовать, как “защитник”... Он раб, и у него нет жизни, у него нет воли к жизни – только задача... И он не умрет – он только завершит задачу, как “защитник”... как Снегов... как все наши рабы, которых мы считаем нашими богами...

Хакай резко повернулся ко мне, сверкнув глазами, сжимая руку в кулак...

– Снегов станет единовластным правителем. Я буду вынужден отдать его власти мои земли. Земли, которые я взял у него, облив кровью моих людей, которые я вернул, осыпав моим пеплом.

– Вы пролили и кровь моих людей, Хакай... и мою кровь... Вы угрожали нам затопить нас в крови, и нам пришлось вернуть вам ваши угрозы...

– Теперь мы пролили столько крови, что тонем в ней все... Мы смешали кровь дракона, медведя и орла этой войной, создав из трех одно чудовище... Теперь оно пожрет себя, поскольку голод его неутолим... И править этим чудовищем будет “белый генерал”, холодный, как снег... “Белый генерал” сдержит его – не позволит ему проглотить себя разом, заставит его грызть себя долго, умирая от голода, истекая кровью... Истекая кровью до конца времени...

– Мы всегда истекали кровью и пускали кровь, Хакай... Мы всегда жили, умирая и убивая...

– Теперь мы умираем, убивая себя.

– Мы все убиваем других, принося жертвы смерти, чьей добычей всегда были все мы... И смерть отдает наши жизни, беря чужие в обмен... Этот обмен дает время, но этой мене ограничен срок... Когда мы отдаем смерти все, что способны дать, когда у нас не остается ничего, кроме

наших жизней – смерть берет наши жизни... Мы не убиваем себя, Хакай, – мы просто умираем... нищими перед жадной смертью...

Хакай бросил мне в глаза тяжелый, непроницаемо темный, взгляд...

– Мы приносили смерти все большие жертвы, стараясь взять у нее все большее время, нужное нам для разработки оружия, способного уничтожить ее, – смерть. Мы создали бессмертие, овладев ее временем, но стали отдавать его ей взамен способности овладеть ее пространством. Мы воевали, убивая вечно молодых воинов, расчищая территории их жизней, расширяя территории для жизней наших... И в этой войне мы потеряли все... Мы вернули смерти – все...

– Мне все равно, Хакай... И не вам – не живому – рассуждать о смерти. А мне все равно... Я смотрю не на шпили крепостей системы, приносящих в жертвы целые армии, а на моих бойцов, которым нечего дать смерти, кроме крыс... За крыс им даются считанные дни, но они – живут... Они, не горюя, встречают и провожают их, не сжигая их войной, не травя их злом, стремящимся урвать еще и еще... Я смотрю на них и забываю жадность, заставляющую меня бросать “сегодня”, хватая “завтра”... Я смотрю на небо, Хакай, и вижу не его обрывок в бойницах штаба Ясного – я вижу его все... Я дышу ветром, разогнанным этими просторами, а не вентиляторами Центрального управления СГБ... И мне все равно, чьи разведчики выслеживают меня, чьи бойцы ступают по моему следу... Я просто счастлив, Хакай! Впервые! А вы не знаете, что это – счастье... Как не знал я, когда был окружен не этими оборванными дезертирами, а высшими офицерами СГБ.

– Вы бредите, Горный. Вы с радостью встречаете день, разрушающий вас, разрушающий все... Вы бредите...

– Возможно, это бред. Но мне это безразлично.

– Вы больны, Горный...

– Да, болен. Впервые. Я болен впервые, потому что я впервые жив. Оставьте меня в покое, Хакай... Меня и моих людей – мой полк... “полк без командира”...

Хакай вздрогнул, останавливая на мне непонимающий взгляд... Но сразу перевел глаза на мрак открытого коридора... Темный зверь с холодным разумом вступил в полумрак в обличье офицера S12 – Тишинский... Я замер, не справляясь с перебитым хрипом дыханием... Но Олаф, будто обернувшись волком, метнулся ко мне... и его холодный клинок отражает его широко открытые тусклому свету глаза, в которых бушует буря, ограждая меня сиянием севера от ночной тьмы... А Ханс с тупым спокойствием упер дуло излучателя в грудь призрачного “дракона”... Я вдохнул ветер всей грудью, смотря в лицо этим видениям системы через прорези глазниц зверя, кровь которого была пролита, чтоб горячить мою кровь...

– Вы, оба, уходите... Их не убить – они не живы... “Дракон” явится из Пустоты столько раз, сколько потребует его незавершенная задача... А Снегов бросит наземь столько “теней”, сколько будет разбито светом... Они всемогущи... Но они – только призраки системы... Без системы их нет. Они скованы с системой, как мы – с жизнью... И им, бессильным вне системы, не отнять у нас, свободных, жизни... Они не способны уничтожить нашу жизнь, как мы не способны уничтожить их систему... Мы с ними – не пересекающиеся параллели, существующие разное, в разных измерениях, в разных системах координат!

Тишинский окружен “защитниками”, пришедшими на его зов... Его глаза раздирают меня злобой, дарованной страхом... И я счастлив, ломая иглы его скрытых мыслей, поднятых на меня штыками... Его “защитники” подключают оружие, но мне все равно... Я не отпущу его... И я буду пить его кровь – кровь врага... И моих зубов, впившихся ему в горло, не разожмет моя смерть... Смерть подошла ко мне вплотную, и я не отступлю, не позволю ей перейти в наступление... я убью ее или умру вместе с ней...

Вдруг Тишинский поднял голову, замерев... развернулся и ушел во мрак, забирая светлых “защитников”... Хакай молча последовал за ним, оставляя меня, горящего и сжигающего гневом, как огнем... Его отозвали... Его – “цепного”... Снегов снова натянул цепь, сковывающую с ним его “тень”, но Тишинский вернется... и я встречу его.

Я клацнул зубами... Глупо получилось, но я с собой не справился – очень захотелось его кусить – Тишинского... Но как-то духа не хватило. А вообще, я его знаю – Тишинского... Не

лично, конечно, но я читал о нем во многих отчетах... Этот офицер прав. Как зверь, как хищник, я его мнение полностью разделяю. Вот только я бы, наверное, так не смог... Я бы деру дал. Мы – коты – всегда так делаем. Зашипим, проверяя врага на прочность, – и деру даем, когда враг не боится ложной угрозы... Это медведи так дерутся, как эти солдаты, – нападают, когда им угрожает кто-то, и пошли рубиться когтями до чьей-то смерти... Им, просто, обычно деваться некуда – они ж на открытой местности обитают... обитали, вернее, – эти древние вымершие зверюги... А мы осторожные... Мы – скрываемся... во мраке. Вот как. Мы серьезно деремся только тогда, когда нас хватают, а не только угрожают схватить... Айнер теперь знает, как это – нас жестко хватать... Он получил по заслугам. Да. Ему полезно. А так, когда никто вроде Айнера нам не угрожает, мы для вида, скорее, когтями машем... Конечно, когти ведь беречь надо... А зубы – особенно. Они ж, как когти не растут, когда их ломаешь.

Крысы устроили серьезное обсуждение... А меня к линии не подключили... Правда, я и не могу к ним сейчас подключиться – сложно у них мозги устроены... Они ж – организованные твари, им нужны сложные мозги. Точно. Я прав. Придется мне одному думать – невеста давно испугалась и спряталась. Просто, она хочет лечить, а не калечить... Ей такие отчеты, где не лечат, а калечат, не по нраву. А мне кажется, что одного без другого не бывает. Вот так. Я знаю, что я, как историк, должен сделать какой-то вывод... Но не могу. Я, как все... Нет, я особенный. Я сделаю вывод... Вот сейчас поскриплю мозгами – и сделаю. Вот как. И никакой чудо-зверь мне не помешает. Вот так.